

**Ценностно-духовные запросы как критерий
идентификации среднего класса в российском регионе**

Аглиуллова Алсу Ханифовна

аспирантка

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alsuagliullova@rambler.ru

В развитых странах наличие в социальной структуре весомой доли среднего класса считается основным двигателем экономического развития, гарантом социально-политической стабильности и проводником вертикальной мобильности. В условиях неустойчивости социальной структуры современного российского общества сложилось общее понимание важности стабилизирующей функции среднего класса.

Усиление поляризации общества и растущая социально-экономическая дифференциация регионов нашей страны — в числе наиболее негативных последствий либеральных реформ 90-х годов [4, с. 337], поэтому выявление среднего класса в целом в России и в каждом конкретном регионе становится всё более актуальным. Однако средний класс — понятие, дискуссии вокруг которого среди российских и зарубежных исследователей продолжают нарастать. Отсутствие единого теоретического подхода к определению самого понятия «средний класс» и к набору идентифицирующих его критериев приводит к существенному разбросу в его количественных и качественных оценках, препятствует установлению направленности и динамики стратификационных процессов как в России в целом, так и в ее регионах.

С целью разрешить часть вопросов описанной проблемы нами в конце 2006 г. в Ульяновской области было проведено авторское исследование «*Средний класс в регионе: состав и модели поведения*». Специфика исследуемого региона: формирование рыночных механизмов находится в начальной стадии; ведущими промышленными отраслями являются автомобилестроение, самолетостроение, радиотехника и приборостроение, инвестиции в регион пока небольшие. Рабочим определением в исследовании выступила следующая формулировка: *средний класс* — это те социальные слои, которые благодаря своему образованию, профессиональным качествам и культурному капиталу смогли адаптироваться к условиям рыночной системы и обеспечить себе (своим семьям) приемлемый уровень и образ жизни. Несмотря на условность категории «средний класс» в контексте стратификационного подхода, именно она в качестве собирательного термина широко применяется при описании социальной структуры, поэтому мы используем именно это понятие.

Результаты *использования только одного критерия* в качестве определяющего из числа таких, как материально-имущественное положение, социально-профессиональный статус или самоидентификация, при выделении среднего класса в регионе показали

недостаточность этого подхода: разброс количественных оценок составил от 15 до 70 % выборочной совокупности.

Многокритериальный подход с использованием «идеальных» показателей, приближенных к западной модели, на пересечении всех признаков позволил выделить в Ульяновской области средний класс в размере лишь 3 % взрослого населения региона (*«идеальный средний класс»*). Аналогичные исследования, проводимые в России, дали близкие результаты [1, с. 13; 2, с. 167; 6, с. 236].

Крайне низкий удельный вес полученного «идеального» среднего класса не позволяет назвать его функционально значимым для поступательного развития региона. При этом основным фактором, сдерживающим динамику стратификационных процессов, выступает материально-имущественный показатель (размер дохода и владение недвижимостью). Таким образом, подтверждается проблематичность и слабая работоспособность безоговорочного применения «западных» критериев стратификации — как правило, имущественных — к изучению современного российского общества.

В социологической литературе последних лет все чаще акцентируется внимание на иных, нежели материально-имущественных, характеристиках искомого среднего класса. Решающим фактором при освоении россиянами реалий современного мира называется не столько материальный достаток, сколько ценности, жизненные установки и особенности повседневного поведения.

В условиях активной пропаганды принципа всеобщего материального обогащения, ценностей и образа жизни «общества потребления» в контексте либеральной глобализации особую актуальность для нашей страны приобрел вопрос сохранения российских национальных ценностей, престижа производительного творческого труда, а также идеологии, ориентированной на формирование творческой духовной сущности человека [3, с. 114].

В нашем исследовании мы поставили задачу выделить среди опрошенных такую социальную группу, ценностно-духовные запросы и социально-экономическая стратегия поведения которой отвечает вызовам российской современности. Мы применили адаптированный, более мягкий по материально-имущественным критериям подход с учетом региональных характеристик (подобный подход использовался при исследованиях среднего класса в других регионах России [2, с. 211]). В качестве дополнительного и решающего показателя мы учитывали ориентацию респондентов на *творческую самореализацию, получение новых знаний, культурный рост*.

В результате мы получили *«перспективный средний класс»* — 27–28 % выборочной совокупности. Основные признаки: среднедушевой доход не ниже среднего по региону (от 7 тыс. рублей); наличие высшего образования; самоидентификация со средним слоем; активные ценностно-духовные запросы (стремление к «расширению горизонта», опора на собственные силы, преимущественно интеллектуальный досуг, владение новыми технологиями, здоровый образ жизни). Социально-демографический портрет типичного представителя: мужчина в возрасте 18–39 лет, специалист ИТР, служащий с образованием или студент.

Удельный вес выявленного «перспективного» среднего класса позволяет сделать вывод, что в исследуемом регионе имеется социальная база для формирования

функционального российского среднего класса; основными каналами его пополнения выступают *интеллектуальный капитал, личностные качества и предпочтения* индивидов.

Итак, исследование среднего класса привело нас к следующим выводам: 1) оценки масштабов и структуры среднего класса требуют учета особенностей развития конкретного региона; 2) при выявлении российского среднего класса рекомендуется использовать дополнительный критерий — *характер ценностно-духовных запросов* населения; 3) «перспективный» средний класс в условиях даже небольших положительных сдвигов в социально-экономической сфере региона сможет стать тем базовым слоем, на который смогут опереться коммерческие структуры, властные органы и политические круги при формировании национальной гуманистической идеологии, ориентированной на формирование творческой духовной сущности человека.

Литература

1. Бавин П.В. Ожидания среднего класса // Социальная реальность, 2006. №1. С. 7–13.
2. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. — 186 с.
3. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и творческая личность человека // Социология. 2004. №1. С. 114–116.
4. Добренков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 447 с.
5. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.
6. Тюплина И.А. Средний класс Магнитогорска // Социология. 2006. №2. С. 101–104.

Сравнительный анализ социальной морфологии Э. Дюркгейма и социально-экологического подхода Р. Парка

Андержанова Галия Вязитовна

студент

Московский государственный лингвистический университет, Институт международных отношений и социально-политических наук, Москва, Россия

E-mail: sky_g@mail.ru

Современное общество сталкивается с весьма широким спектром социальных проблем. Наше общество характеризуется быстрыми темпами урбанизации, миграции,

развитием транспортных коммуникаций, и сегодня, как никогда ранее, условия окружающей среды имеют все большее влияние на социальную жизнь. Поэтому перед социологом предстает задача, найти многочисленные факторы социальной аномалии, именно, в связи с той средой, где они возникли. В докладе рассматривается данная проблема с точки зрения таких социологов, как Э.Дюркгейм и Р. Парк, в работах которых, освещается взаимодействие окружающей среды и общества.

Были выделены следующие критерии для сравнительного анализа социальной морфологии Э. Дюркгейма и социально-экологического подхода Р. Парка: аналогии с организмом, примат общества / индивида, размещение и плотность населения, борьба за существование (конкуренция), пути сообщения.

Согласно выделенным критериям:

1. Дюркгейм проводит, по крайней мере, два вида аналогии общества с организмом. В первом случае, аналогия проводится в связи с социальной функцией. Во-вторых, автор проводит аналогию между анатомией и социальной морфологией, которая и описывает строение общества. Оба автора проводят аналогии с организмом, биологическим в целом, но Дюркгейм сопоставляет разделение функций в обществе и организме, что имеет большое значение в его социологии.

2. В критерии «примат общества / индивида» более ясна позиция Дюркгейма, нежели Парка. Дюркгейм признает примат общества, а Парк занимает двойственную позицию.

3. Оба автора придают значение критерию «размещение и плотность населения», но у Дюркгейма, он больше разработан в связи с выделением различных видов солидарности. Тогда как Парк ориентирован на частное проявление влияния морфологических фактов, а именно на город (как социальную лабораторию).

4. Интересно, что оба автора признают за конкуренцией очень важное значение в социальной жизни. Однако Дюркгейм ориентирован на солидарность, а Парк – на конкуренцию, хотя в целом, они говорят об одном и том же, потому что солидарность невозможна без конкуренции, а конкуренция, в свою очередь, становится условием существования общественной жизни только в том случае, когда есть солидарность.

5. Что касается путей сообщения, авторы также придают им значение в росте городов, увеличении взаимоотношений между людьми. Парк больше говорит о транспорте, связывая расширение транспортной системы с образованием естественных ареалов города.

Согласно изученным критериям, в целом, можно сказать, что Дюркгейм и Парк сходны в определении данных критериев. Но следует признать, что в социальной морфологии Э. Дюркгейма уделено больше внимания выделенным критериям (за исключением, конкуренции), а Парк в своем социально-экологическом подходе более ориентирован на конкуренцию, естественный характер социальных процессов.

Оба автора стремятся построить науку «по образу и подобию естественных наук». Они стремятся сделать социологию максимально объективной, что и подтолкнуло их к

обращению к природе, географии, эволюции Дарвина (борьба за существование), аналогии с биологическим миром. Сам метод Дюркгейма основан на морфологических фактах, поскольку они ближе всего к природе. Очень важно отметить тот факт, что для Дюркгейма и Парка, морфологические факты являются средствами, показателями для измерения социальной жизни. Это именно та система координат, с которой может работать социолог, и, причем объяснять социальную реальность. По Дюркгейму, без морфологических фактов, вообще нельзя установить никаких причинно-следственных связей. Но, несмотря ни на что, мне представляется, что Дюркгейм все-таки в меньшей мере ориентирован на морфологические факты. Он признает за ними субстрат, но с большим интересом занимается другими темами как разделением труда, солидарность, религия.

Оба автора понимают не абсолютный характер среды, поэтому каждый автор пытается найти что-нибудь еще, что поможет уйти от не живой среды к чему-то более «живому». Таким образом, Парк находит это в конкуренции, Дюркгейм – в социальных фактах и функциях, а потом и в религии. Из этого и следует двойственность позиций, присущая авторам.

Не смотря на стремление к объективности, изученные мной авторы, не видят абсолютный характер, выделенных ими средств для познания общества. Дюркгейм и Парк – социальные исследователи, но в тоже время они субъективны по своей природе и эта природа тянет, влечет к чему-то более близкому к человеку.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2006. – 352 с. – (История социологии в памятниках).
2. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. – М.: РИЦ ИСПН РАН, 2000. – 304 С.
3. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. Центр фундаментальной социологии. 2002. – С. 11-19.
4. Парк Р. Физика и общество // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. Центр фундаментальной социологии. 2007. – С. 4-16.
5. Парк Р. Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. - С. 384-400.
6. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. Центр фундаментальной социологии. 2006. – С. 11-19.

Молодежный экстремизм
Аршинова Алена Игоревна
аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия
E-mail: alenapmr@rambler.ru*

Тема молодежного экстремизма является одной из наиболее актуальных в современной социологии. Эта проблема находится в центре внимания исследователей и средств массовой информации, в связи с тем, что экстремизм в молодежной среде стал массовым явлением. Глобальные и локальные экстремистские объединения и террористические группы рекрутируют молодежь. Мы видим ее среди боевиков «Алькаиды» и «Талибана», в рядах скинхедов и левых радикалов.

Почему это происходит? Молодежь наиболее восприимчива к пропаганде радикальных идей, готова к акциям прямого действия, на которые не согласятся зрелые люди. «При определении причин роста молодежного экстремизма авторы концентрируют внимание на вопросах международной политики; нерешенности современных социально-экономических проблем; на возрастных, в первую очередь психологических, особенностях молодежи» [3, с. 10]

К сожалению, молодежный экстремизм не обошел стороной и Россию. Многочисленные радикальные группы рекрутируют молодежь в свои ряды. На правом фланге это скинхеды, ДПНИ (Движение Против Нелегальной Иммиграции), РНЕ (Русское Национальное Единство) и другие неонацистские группы. На левом фланге этим же занимаются НБП (Национал-Большевистская Партия), АКМ (Авангард Красной Молодежи) и другие левацкие группировки. Молодежный экстремизм проникает и в стены университетов.

Зарубежные подрывные центры так же не остаются в стороне от попыток втянуть в сферу своего влияния молодежь России. За этим стоит замысел по формированию в молодежной среде антироссийских настроений. «По данным разных источников, на территории Российской Федерации действует 141 молодежная группировка экстремистской направленности общей численностью около полумиллиона человек» [2, с. 6].

Все это происходит тогда, когда в государстве практически отсутствует молодежная и семейная политика, есть глубокие провалы в социальной политике, воспитательной работе с младшими поколениями, сфере образования и досуга молодежи.

Несмотря на многочисленные труды по социологии молодежи и проблематике экстремизма в молодежной среде, эта тема не может считаться не актуальной, с точки зрения современной социологической науки. Этой темы касается большое количество публикаций в научной литературе, но комплексные исследования отсутствуют. Идеология и практики молодежного экстремизма постоянно трансформируются. Экстремизм стал глобальной проблемой. «Понимание сущности экстремизма может стать ключом к контролю над ним» [2, с. 20]. Именно поэтому усилия социологов, специализирующихся на этой проблематике, сегодня востребованы.

Литература

1. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. (2005) Молодежный экстремизм / Под ред. Адельханяна Р.А. М.: Триада, Лтд
2. Красиков В.И. (2006) Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М.: Водолей Publishers
3. Смакотина Н.Л., Кухтевич Т.Н., Васенина И.В, Подвойская Н.В. (2007) Сборник статей // Экстремизм в молодежной среде: теоретические и практические аспекты / Под ред. проф. В.И. Добренькова. М.: Макс Пресс

Религиозный экстремизм как социальное явление

Ахмедзянова Рузеля Маратовна¹

студент

Тюменский государственный университет, МИФУБ, Тюмень, Россия

E-mail: ruzelya@inbox.ru

События в мире показывают, что именно на современном этапе это явление представляет наибольшую угрозу человечеству.

Религиозный экстремизм – это форма мировоззренческого экстремизма, возбуждение вражды и ненависти внутри религии, это крайнее проявление религиозности, религиозный фанатизм, который характеризуется отсутствием религиозной терпимости и стремлением навязать свои конфессиональные убеждения любыми средствами [1, с.162].

Это действительно опаснейшая форма экстремизма, так как она, преимущественно, основана на эмоциях людей. Верующему человеку не безразлично как смотрят на его Бога. Опасность также заключается в том, что религиозный экстремизм использует религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, мобилизуя их на бескомпромиссную борьбу к представителям различных конфессий.

¹ Автор выражает признательность к. филос. н., доценту Ересько М.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Явление экстремизма потенциально заложено в любой религии, причем ни одна конфессия, ни атеизм не только не поддерживают экстремистские идеи, но и выступают против разжигания межрелигиозной розни.

Проблему религиозного экстремизма целесообразно изучать с помощью метода опроса. Целью исследования является изучение мнения населения о явлении религиозного экстремизма. А именно выяснить, в чем с точки зрения населения сущность религиозного экстремизма, что порождает его, как предупредить и не допустить развитие данной проблемы.

Для данного исследования была разработана система показателей, позволяющих выявить степень заинтересованности и осведомленности населения по проблеме религиозного экстремизма.

Для апробирования и проверки данной методики было проведено пилотажное исследование. С помощью стихийной выборки было отобрано и опрошено 100 человек с различными социально-демографическими характеристиками. Респондентам было предложено выбрать не более трех наиболее подходящих вариантов из списка предложенных.

Обобщая результаты проведенного опроса можно сделать ряд следующих выводов:

94% опрошенных понимает и признает проблему существования религиозного экстремизма в нашем государстве. Однако, не понимают сущности данного явления, приближая его к хулиганству и вандализму. Так, по мнению респондентов под религиозным экстремизмом понимается жесткое утверждение своей системы религиозных взглядов (63,1%), провокации по отношению к представителям иной веры (52,4%) и осквернение памятников религиозной культуры (40,5%).

На первом месте среди причин религиозного экстремизма находится неконтролируемая деятельность лидеров религиозных групп (66,7%). На втором, с достаточным отрывом следует падение жизненного уровня (53,6%) и, наконец, социально – экономические кризисы отметили 46,4% респондента. Итак, основными причинами религиозного экстремизма большинство опрошенных признает некомпетентную деятельность государственных органов, социально-экономические кризисы и низкий уровень жизни населения.

Нами была выдвинута гипотеза (позже подтвердившаяся) о том, что к основным методам борьбы с проявлениями религиозного экстремизма относят: привлечение к ответственности лидеров религиозно-экстремистских движений и пропаганда гуманистических идей и принципов толерантности через общественные организации и СМИ. Так, данную проблему, по мнению горожан, можно решить тремя возможными способами: запрещая пропаганду и агитацию, возбуждающих религиозную ненависть и вражду (86,9%), привлекая к ответственности лидеров религиозно-экстремистских движений (72,6%), а также пропагандируя гуманистические идеи и принципы толерантности через общественные

организации и СМИ (70,2%). Итак, можно составить своеобразную пропорцию: респонденты отмечают два пункта ужесточения к одному пропагандистскому.

Итак, контролировать проявления религиозного экстремизма возможно лишь через совершенствование законодательной базы, а именно, ужесточение контроля за деятельностью СМИ, общественных организаций, различных политических и религиозных объединений.

Являются ли предложенные меры действительно эффективными? Проблема нетерпимости стоит в нашем государстве не первый год. И на данный момент открытое обсуждение этого вопроса и различного рода призывы не дали эффективных результатов. Быть может, стоит подумать о более действенных мерах? Речь идет о воспитании и образовании. О воспитании детей, о закладывании с раннего возраста идей терпимости и толерантности друг к другу, идей равенства и справедливости, мира и спокойствия. Быть может уже не в наших силах поменять общественное настроение, но мы можем изменить себя, наставить наших детей. Сколько людей – столько мнений. И призывы к толерантности будут лишь пустыми возгласами, если они не дойдут до сознания каждого, если человек не сможет понять какое счастье жить в мире, быть услышанным и уметь слышать других.

Следует отметить, что проблема религиозного экстремизма требует к себе внимания не только со стороны общественности, но и ученых социологов и политологов. Потому что в настоящее время общество столкнулось с огромной плохо изученной проблемой. И исследование этого вопроса нуждается во всестороннем и глубоком анализе.

Литература

1. Ерьсько М.Н. Введение в диалоговое религиоведение.- Тюмень, 2006
2. Знание-сила.- 2004.-№11, с.16-22
3. Россия и мусульманский мир.-2000.-№12, С. 107-113
4. Россия и мусульманский мир.-2001.-№ 2, С. 97-111

Ценностно-духовные запросы как критерий идентификации среднего класса в российском регионе

Аглиуллова Алсу Ханифовна

аспирантка

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alsuagliullova@rambler.ru

В развитых странах наличие в социальной структуре весомой доли среднего класса считается основным двигателем экономического развития, гарантом социально-политической стабильности и проводником вертикальной

мобильности. В условиях неустойчивости социальной структуры современного российского общества сложилось общее понимание важности стабилизирующей функции среднего класса.

Усиление поляризации общества и растущая социально-экономическая дифференциация регионов нашей страны — в числе наиболее негативных последствий либеральных реформ 90-х годов [4, с. 337], поэтому выявление среднего класса в целом в России и в каждом конкретном регионе становится всё более актуальным. Однако средний класс — понятие, дискуссии вокруг которого среди российских и зарубежных исследователей продолжают нарастать. Отсутствие единого теоретического подхода к определению самого понятия «средний класс» и к набору идентифицирующих его критериев приводит к существенному разбросу в его количественных и качественных оценках, препятствует установлению направленности и динамики стратификационных процессов как в России в целом, так и в ее регионах.

С целью разрешить часть вопросов описанной проблемы нами в конце 2006 г. в Ульяновской области было проведено авторское исследование «*Средний класс в регионе: состав и модели поведения*». Специфика исследуемого региона: формирование рыночных механизмов находится в начальной стадии; ведущими промышленными отраслями являются автомобилестроение, самолетостроение, радиотехника и приборостроение, инвестиции в регион пока небольшие. Рабочим определением в исследовании выступила следующая формулировка: *средний класс* — это те социальные слои, которые благодаря своему образованию, профессиональным качествам и культурному капиталу смогли адаптироваться к условиям рыночной системы и обеспечить себе (своим семьям) приемлемый уровень и образ жизни. Несмотря на условность категории «средний класс» в контексте стратификационного подхода, именно она в качестве собирательного термина широко применяется при описании социальной структуры, поэтому мы используем именно это понятие.

Результаты *использования только одного критерия* в качестве определяющего из числа таких, как материально-имущественное положение, социально-профессиональный статус или самоидентификация, при выделении среднего класса в регионе показали *недостаточность* этого подхода: разброс количественных оценок составил от 15 до 70 % выборочной совокупности.

Многокритериальный подход с использованием «идеальных» показателей, приближенных к западной модели, на пересечении всех признаков позволил выделить в Ульяновской области средний класс в размере лишь **3 %** взрослого населения региона («*идеальный средний класс*»). Аналогичные исследования, проводимые в России, дали близкие результаты [1, с. 13; 2, с. 167; 6, с. 236].

Крайне низкий удельный вес полученного «идеального» среднего класса не позволяет назвать его функционально значимым для поступательного развития региона. При этом основным фактором, сдерживающим динамику стратификационных процессов, выступает материально-имущественный показатель (размер дохода и владение недвижимостью). Таким образом, подтверждается проблематичность и слабая работоспособность безоговорочного применения «западных» критериев стратификации — как правило, имущественных — к изучению современного российского общества.

В социологической литературе последних лет все чаще акцентируется внимание на иных, нежели материально-имущественных, характеристиках искомого среднего класса. Решающим фактором при освоении россиянами реалий современного мира называется не столько материальный достаток, сколько ценности, жизненные установки и особенности повседневного поведения.

В условиях активной пропаганды принципа всеобщего материального обогащения, ценностей и образа жизни «общества потребления» в контексте либеральной глобализации особую актуальность для нашей страны приобрел вопрос сохранения российских национальных ценностей, престижа производительного творческого труда, а также идеологии, ориентированной на формирование творческой духовной сущности человека [3, с. 114].

В нашем исследовании мы поставили задачу выделить среди опрошенных такую социальную группу, ценностно-духовные запросы и социально-экономическая стратегия поведения которой отвечает вызовам российской современности. Мы применили адаптированный, более мягкий по материально-имущественным критериям подход с учетом региональных характеристик (подобный подход использовался при исследованиях среднего класса в других регионах России [2, с. 211]). В качестве дополнительного и решающего показателя мы учитывали ориентацию респондентов на *творческую самореализацию, получение новых знаний, культурный рост*.

В результате мы получили **«перспективный средний класс»** — 27–28 % выборочной совокупности. Основные признаки: среднедушевой доход не ниже среднего по региону (от 7 тыс. рублей); наличие высшего образования; самоидентификация со средним слоем; активные ценностно-духовные запросы (стремление к «расширению горизонта», опора на собственные силы, преимущественно интеллектуальный досуг, владение новыми технологиями, здоровый образ жизни). Социально-демографический портрет типичного представителя: мужчина в возрасте 18–39 лет, специалист ИТР, служащий с образованием или студент.

Удельный вес выявленного «перспективного» среднего класса позволяет сделать вывод, что в исследуемом регионе имеется социальная база для формирования функционального российского среднего класса; основными каналами его пополнения выступают *интеллектуальный капитал, личностные качества и предпочтения* индивидов.

Итак, исследование среднего класса привело нас к следующим выводам: 1) оценки масштабов и структуры среднего класса требуют учета особенностей развития конкретного региона; 2) при выявлении российского среднего класса рекомендуется использовать дополнительный критерий — *характер ценностно-духовных запросов* населения; 3) **«перспективный»** средний класс в условиях даже небольших положительных сдвигов в социально-экономической сфере региона сможет стать тем базовым слоем, на который смогут опереться коммерческие структуры, властные органы и политические круги при

формировании национальной гуманистической идеологии, ориентированной на формирование творческой духовной сущности человека.

Литература

1. Бавин П.В. Ожидания среднего класса // Социальная реальность, 2006. №1. С. 7–13.
2. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. — 186 с.
3. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и творческая личность человека // Социология. 2004. №1. С. 114–116.
4. Добренков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 447 с.
5. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.
6. Тюплина И.А. Средний класс Магнитогорска // Социология. 2006. №2. С. 101–104.

Понятие политического терроризма

Бахтеева Альфия Рафаиловна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: maemo4ka@inbox.ru

Среди целого ряда глобальных проблем впервые в истории в начале XXI века на передний план выходят задачи совместной борьбы различных государств против терроризма, против нового витка насилия, мотивированного политическими целями. Начиная с 60-х гг. прошлого века, терроризм, являясь важным фактором дестабилизации во всем мире, резко усилил свое отрицательное воздействие на развитие международных отношений и внутригосударственную жизнь. Трагические события последних лет показали, насколько уязвимым оказывается население той или иной страны перед лицом терроризма.

Разработка понятия терроризма является одной из сложных проблем мировой науки и практики борьбы с преступностью. В настоящее время существует около 200 понятий

терроризма, однако ни одно из них не стало общепринятым из-за сложности исследований в данном направлении, а также в связи с возникающими дополнительными трудностями.

Если проанализировать многочисленные определения и типологии терроризма, которые давались как отдельными авторами, так и различными государственными учреждениями некоторых стран, а также содержались в международных конвенциях, касающихся террористической деятельности, то можно выделить ряд элементов, встречающихся в этих определениях наиболее часто.

Среди них первостепенную роль играет следующая черта: терроризм - это использование силы в политических целях, т.е. это специфическая форма политического насилия. Многие из форм вооруженного насилия, характерных для терроризма, не являются его монопольным достоянием, равно как само по себе их пользование не есть свидетельство того, что речь идет именно о террористической практике. Здесь главное в том, с какой целью осуществляются данные насильственные акции.

То есть именно политическая направленность делает акт вооруженного насилия террористическим, а не просто разрушительным, смертоносным, действием, так же как не всякое вооруженное насилие, осуществляемое с политической целью, есть терроризм.

Подводя итог, можно сказать, что терроризм определяется в зависимости от характера акции, а не от личности исполнителя или сути дела, за которое он борется. Все террористические акции сопряжены с применением насилия или угрозой насилия, часто это сопровождается выдвижением конкретных социально-политических требований. Насилие направлено в основном против гражданских объектов. И, наконец, мотивы имеют политический характер, следовательно, само понятие «терроризм», несмотря на многоаспектность данного феномена, несет в себе в первую очередь политическое содержание.

Литература

1. Авдеев Ю.И. (2000) Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / Отв. Ред. Степанов Е.И.. М.
2. Илларионов С.И. (2003) Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М.
3. Петрищев В.Е. (2001) Заметки о терроризме. М.

Глобальные миграционные процессы в современных теориях миграции

Блинова Марина Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mblinova@yandex.ru

Во второй половине XX в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной сферы и создающих глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира. В этой связи основной задачей мирового социологического сообщества является поиск методологических оснований и разработка адекватных теоретических моделей, позволяющих анализировать качественные изменения, происходящие в миграционных процессах в условиях глобализации, поскольку сложность и

масштабность, а также новизна некоторых миграционных движений сделали предшествующие теоретические построения мало применимыми к анализу современных реалий. Целью нашей работы является анализ новейших теоретико-методологических подходов к исследованию миграции в условиях глобализации, представленных в современной научной литературе.

Качественные изменения миграционных процессов и усложнение мировой миграционной ситуации в целом послужили вызовом, ответом на который явилась трансформация методологических оснований исследования миграции. Проведенное исследование позволило нам выделить следующие основные тенденции: появление новой терминологии наряду с понятием миграции («диффузия», «антропоток», «креолизация»); актуализация не столько экономических, сколько политических и социокультурных аспектов в изучении миграции; осознание необходимости разработки новых методологических принципов, основным из которых можно считать междисциплинарность в исследовании современной глобальной миграции. Исследователями были сформулированы следующие основные методологические принципы: междисциплинарность, исторический подход, сравнительный подход, принцип холизма, транснациональная социальная трансформация как отправная точка исследований, исследование миграции с позиции учета локальных, национальных и глобальных моделей социальных отношений, применение общих методов исследования [3]. В целом социологическое изучение миграционных процессов все больше характеризуется междисциплинарностью применяемых подходов.

Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу, что в современной социологии намечилось несколько тенденций, характерных для исследования миграции с учетом глобальной трансформации. Одна из них – дискуссия о целесообразности создания grand-теории миграции либо разработки теорий среднего уровня. Автором всеобъемлющего подхода является американский ученый Д. Массей, разработавший на основе системного подхода синтетическую теорию миграции, обобщившую разрозненные теории миграции [1]. Данный подход также нашел отражение в синтетическом конструкте, предложенном голландским исследователем Р. Дженниссеном [5]. Однако в научной литературе данный подход вызвал критическое отношение, например, британский исследователь С. Каслз [3] обосновывают целесообразность создания теорий среднего уровня для анализа современных видов миграции, таких как вынужденная миграция или экономическая миграция, нежели разработки объединительной модели.

Создание всеобъемлющей модели миграции, объединяющей различные теоретические подходы на основании экономического анализа, имеет ряд неоспоримых достоинств. Однако в ходе проведенного нами анализа были выявлены факторы, препятствующие универсальному применению данной модели, а именно: высокая степень теоретизации методологического конструкта, которая несет в себе сложность его практического применения и анализа многообразия эмпирического материала, переоценка экономических факторов миграции, а также недооценка социокультурного и политического контекста миграционных процессов.

Другая тенденция – разработка теории транснациональной миграции [4], объясняющей появление и развитие транснациональных миграционных сетей, а также новой составной идентичности, снимающей с повестки дня проблему интеграции и ассимиляции мигрантов, осуществляющейся в рамках перехода от социологической теории национального общества к, так называемой, глобальной социологии или теории транснациональных сообществ.

В ходе анализа концепции транснациональной миграции, были выявлены ее методологические возможности и ограничения. Миграционный процесс рассматривается как детерриториализированный социальный процесс, в ходе которого мигранты включаются более чем в одно сообщество и образуют новые социальные сети, пересекающие географические, культурные и политические границы национальных государств, продолжая

функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества. Данная концепция позволяет рассматривать миграционный процесс нелокализованный в пространстве, а мигрантов как индивидов, осуществляющих транснациональную активность. Достоинством новейшей концепции выступает возможность исследования новых видов и форм миграции посредством категории транснационального социального пространства, что позволяет уйти от традиционной объяснительной схемы, исчерпываемой бинарной оппозицией «интеграция vs новые этические меньшинства», и анализировать новую форму интеграции, нелокализованную в пространстве. Основным из недостатков данной концепции является недооценка функций и значения современного национального государства, другим – ограниченность исследуемой совокупности транснациональных мигрантов, ключевой характеристикой которых является транснациональная социальная активность, а третьим – постановка тезиса о неуправляемости миграционных процессов как таковых.

Концепция транснациональной миграции является, по сути, альтернативной концепцией современного общества, которая концептуализирует его как функционально дифференцированное мировое общество, позволяет интерпретировать транснациональные сети и сообщества, порождаемые миграцией, как часть процессов глобализации. В отечественной литературе пока не представлено подобных теоретических работ, однако также начинается переосмысление современной миграционной теории, и предлагается выделить новое отраслевое направление в социологии – социологию миграции [2].

Таким образом, новейшие изменения, связанные с глобализацией миграционных процессов и социальной трансформацией, поставили вопрос о теориях и методологии изучения новой реальности не только в рамках изучения миграции, но и общества в целом.

Литература

1. Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2002. Вып. 10.
2. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004.
3. Castles S. Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation // Sociology. 2003. Vol. 37 (1).
4. Glick S.N. Building a Transnational Perspective on Migration / Transnational Migration: Comparative theory and Research Perspectives. An informal workshop. Oxford, England. 2000.
5. Jennissen R. Macro-economic determinants of international migration in Europe. Amsterdam, 2004.

Глобализация и сфера образования

Вершинина Инна Альфредовна

старший научный сотрудник, кандидат социологических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

inna_ver@rambler.ru

Глобализация является многогранным процессом, который затрагивается все стороны жизнедеятельности мирового социума, все страны и континенты, людей различных национальностей, рас и вероисповеданий. Образование также не могло не испытать на себе воздействие глобализации. На примере нашей страны мы можем видеть, сколь велика на сегодняшний день та сила, которая действует в мировом масштабе. Россия присоединилась к Болонскому процессу, который является одной из многих форм глобализации, такой же, как мировые рынки, мировые СМИ или международный терроризм. Болонский процесс – это часть общего сценария, в котором люди, идеи и информация свободно перемещаются через национальные границы: «одна из ключевых сфер национальной идентичности – высшее образование – все более интернационализуется по мере того, как государства адаптируют свою политику к этому нововведению» [2]. Наша страна отказывается от сложившихся традиций в сфере образования, чтобы дипломы выпускников высших учебных заведений соответствовали мировым стандартам.

Государство в России всегда пыталось курировать сферу образования. Реформа российского образования изначально вызвала нарекания со стороны научного сообщества. Разногласия между властью и научно-образовательным сообществом не преодолены до сих пор.

Национальное государство поступило своими традициями ради того, чтобы соответствовать тем требованиям, которые предъявляет глобальный рынок. Основным противоречием современного мира является противостояние между глобализацией и стремлением к сохранению своей национальной идентичности. Взаимосвязь этих двух противоборствующих сил отражается в отношении России к Болонскому процессу: «с одной стороны, Болонский процесс – это проявление глобализации, и Россия заинтересована в использовании предоставляемых возможностей и глобальных перспектив» [2], с другой стороны, нашей стране нужно постараться не потерять свою самобытность. Мы принимаем межгосударственные, наднациональные стандарты, чтобы сохранить свою конкурентоспособность. В данном случае торжество глобализации очевидно. Сможем ли мы выиграть от унификации национальных систем образования в рамках единых европейских стандартов? На этот вопрос сможет ответить только время.

В сфере образования можно отметить тенденции, характерные для целого ряда стран:

1. Растет спрос на высшее образование. Сегодня немодно быть необразованным. Заработная плата «белых воротничков» значительно выше, нежели у «синих», а следовательно, чтобы больше зарабатывать, нужно больше учиться. Во всем мире число поступлений в ВУЗы растет на 10-15% в год, в том числе в странах Азии, Африки и Латинской Америки со средними и низкими доходами на душу населения.

2. Стремление к повышению качества образования. Современные информационные технологии совершили революцию в образовательном процессе. Критерии качества кардинально изменились. Качественное высшее образование теперь требует наличия современной электроники в классах, общежитиях, библиотеках, научных лабораториях и аудиториях для занятий [3]. Информация для студентов сканируется и размещается в

Интернете. Студенты могут получить доступ к учебной информации не только в своем вузе, а в любой точке земного шара, где бы они ни жили и куда бы ни ездили.

3. Равенство при получении образования. Проблема доступности образования в одинаковой мере для всех слоев населения решается с помощью стипендий, которые выплачиваются одаренным студентам из малообеспеченных семей или регионов. Но о равных возможностях для всех говорить пока преждевременно. Существует дефицит педагогических кадров, сказывающийся и на качестве образования, и на доступе к нему. Получить высшее образование, не имея среднего невозможно. Причем это касается не только стран Третьего мира, но и вполне благополучных.

Разрыв между Севером и Югом, во многом являющийся следствием глобализации, существует и в сфере образования. Бюджетные средства на образование в таких государствах как Великобритания, Германия или Франция во много раз превышают расходы на эти цели всех стран Африки к югу от Сахары вместе взятых. Самым большим инвестором в сферу образования являются США. Бюджет сектора государственного образования в этой стране почти равен сумме бюджетов шести регионов — арабских государств, Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, Латинской Америки и Карибского Бассейна, Южной и Западной Азии и региона Африки к югу от Сахары. На долю всех стран тропической Африки приходится 2,4% мировых расходов на образование и это при том, что в этой части планеты проживает 15% всех лиц школьного и студенческого возраста. В США живут и учатся 4% школьников и молодежи мира и сосредоточены 28% мировых расходов на образование. На весь регион Центральной и Восточной Европы приходится 6,7% этих средств, а на все страны Центральной Азии — всего 0,3% [3].

Осуществление трех вышеперечисленных целей требует больших расходов, и мало какие страны могут позволить себе финансировать их только из одних государственных средств. С ростом числа студентов и ростом ожиданий в отношении качества образования государственных ресурсов оказывается недостаточно, а вложения частных инвесторов пока не смогли кардинально изменить ситуацию в современном мире.

Литература:

1. Малыхин М. Хедхантеры предрекают дефицит руководителей во всем мире // Ведомости. 13.12.2007.
2. Медведев С. Болонский процесс, Россия и глобализация // Высшее образование в России. 2006, № 3.
3. Хейнеман С. Глобальные проблемы высшего образования // <http://www.almamater.md/articles/2215/ru.html>.
4. <http://www.un.org/russian/news>.

**Конструктивистский структурализм П. Бурдьё как методологическая
основа исследования профессиональных групп**

Гурина Ольга Александровна

старший преподаватель

Волгоградский филиал Академии труда и социальных отношений, Волгоград, Россия

E-mail: olga1981@volgodom.ru

В современном мире подавляющее большинство людей вовлечено в профессиональную деятельность, функции которой отнюдь не исчерпываются добыванием средств к существованию. Профессия накладывает отпечаток на личность человека, формируя особые черты характера, поведение, стиль жизни. Кроме того, профессиональная принадлежность во многом определяет положение индивида в общественной иерархии (социальный статус). По данным Института социологии РАН, профессионально-групповая идентичность в идентификационной структуре россиянина занимает третье место, уступая по своей значимости только семейно-родственной и конфессионально-этнической и опережая общественно-политическую [3]. Высокая значимость профессиональной сферы для личности подтверждается также исследованиями 2007 г., свидетельствующими о том, что более половины россиян устойчиво идентифицируют себя с профессиональными общностями [4]. Все это обуславливает актуальность изучения особенностей формирования и функционирования различных профессиональных групп.

Западные специалисты в области социологии профессий в своих научных поисках опираются на различные методологические подходы, среди которых можно выделить три наиболее крупных – функционалистский, неомарксистский и неовеберинский. В России на протяжении длительного времени господствовала экономическая интерпретация профессий, что наложило отпечаток и на современных исследователей, которые стремятся классифицировать все виды занятости по различным критериям, очертить границы соответствующих профессиональных групп, определить их количественный и качественный состав, установить типичные социальные характеристики их членов. Ни в коей мере не умаляя теоретической и практической значимости подобных исследований, стоит отметить, что они в силу своей субстанциалистской ориентации не способны в полном объеме вскрыть глубинные механизмы функционирования профессиональных групп. Данная задача, на наш взгляд, может быть эффективно решена в рамках концепции конструктивистского структурализма П. Бурдьё [1, 2].

Вслед за французским ученым мы отказываемся от наиболее распространенного субстанциалистского понимания групп как наблюдаемой, фиксируемой извне совокупности

индивидов. Те образования, которые социологи-субстанциалисты позиционируют как реальные группы, на самом деле представляют собой логически сконструированные совокупности, имеющие лишь теоретическое существование – «группы на бумаге». Профессиональная «группа на бумаге» – это множество лиц, объединенных внешним наблюдателем по критерию общности профессиональной принадлежности. Очевидное сходство социальных условий жизни этих лиц создает потенциальную возможность их объединения и мобилизации в качестве коллективного агента, реально действующего в социальном пространстве. Однако актуализируется эта возможность лишь тогда, когда из всей разрозненной массы представителей профессии выделяется совокупность индивидов, берущих на себя функции представительства и защиты интересов всей группы – практическая группа, в качестве которой выступает то или иное профессиональное объединение (гильдия, цех, ассоциация, профсоюз). Именно эта группа, а не аморфная «группа на бумаге», является объектом идентификации для самих профессионалов и олицетворяет профессиональную группу в глазах общественности.

Таким образом, в контексте теории П. Бурдье профессиональная группа может быть определена как совокупность позиций в социальном пространстве, гомологичность которых обусловлена общностью профессиональной принадлежности занимающих их индивидов. Целью конструирования профессиональных групп является объективация занимаемых ими позиций, т.е. перевод невидимых «невооруженным взглядом» связей и отношений в более привычную для восприятия форму социальных практик. У всех обладателей однородных социальных позиций формируется особый габитус – специфическая система предрасположенностей, через призму которой воспринимается и оценивается окружающий мир и которая является основой воспроизводства социальных практик. Так, например, профессиональную принадлежность индивида с известной долей вероятности можно определить по манере одеваться, вести себя, говорить и т.п.

Процесс постоянного производства/воспроизводства профессиональных практик требует наличия определенного капитала, позволяющего успешно бороться за признание собственного взгляда на ту или иную сферу социальной жизни в качестве экспертного мнения. П. Бурдье выделяет четыре формы капитала: экономический, культурный, социальный и символический.

Экономический капитал профессиональной группы предстает прежде всего в виде уровня заработной платы, установленной для ее членов. Кроме того, к данной форме капитала можно отнести объем собственности, материально-техническую оснащенность, прибыль, внешние источники финансирования создаваемых данной группой организаций, учреждений, служб.

Культурный капитал, по П. Бурдье, может выступать в трех состояниях: инкорпорированном (профессиональные знания, умения, навыки), объективированном (учреждения профессионального образования и науки, учебная, научная, справочная, методическая литература) и институционализированном (квалификации, звания, дипломы, сертификаты).

Социальный капитал представляет собой устойчивую сеть институционализированных отношений взаимного знакомства и признания. Применительно к профессиональной группе это означает наличие тесных связей с представителями других профессиональных групп, властными структурами и т.п., облегчающих выполнение профессиональных обязанностей

Символический капитал П. Бурдьё определяет как капитал в любой его форме, воспринимаемой символически в связи с узнаванием или неузнаванием тех или иных социальных позиций, что находит выражение в репутации, престиже, авторитете профессиональной группы, в доверии к ней со стороны общества.

Каждая из форм капитала выполняет важную функцию в развитии профессиональной группы, однако главным ее богатством, по нашему мнению, является культурный капитал, поскольку только он способен конвертироваться в любые другие формы и тем самым определять социальный статус его обладателя.

Литература

1. Бурдьё П. Социология политики. – М.: : Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – с. 60-73.
3. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Самоидентификация личности в социально-структурных процессах // Вестник РУДН. Сер. «Социология». – 2002. – № 1. – с. 20-26.
4. Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад Института социологии РАН (Москва, 2007)
http://www.isras.ru/index.php?page_id=598

Взаимосвязь организационной культуры и эффективности предприятия

Ермолаева Полина Михайловна

студент

Уральский государственный технический университет - УПИ, Екатеринбург, Россия

E-mail: polina.ermolaeva@mail.ru

На сегодняшний день руководители и менеджеры многих предприятий и фирм проявляют большой интерес к тому, какое влияние организационная культура оказывает на деятельность компании. Связано это с тем, что в организационной культуре стали видеть

нечто такое, с помощью чего руководители могут создать более эффективную организацию. Многие ученые пришли к выводу, что лучше всего функционирует фирма с хорошо развитой и сильной организационной культурой. Так ли это на самом деле, мы и попытались выяснить в ходе нашей работы.

Организационная культура охватывает большую часть явлений духовной и материальной жизни коллектива: доминирующие в нем материальные ценности и моральные нормы, принятый кодекс поведения и ритуалы, манера персонала одеваться и установленные стандарты качества выпускаемого продукта. В практической части нашего исследования мы постарались установить характеристики оргкультуры, влияющие на эффективность предприятия и выяснить, действительно ли существует взаимозависимость между организационной культурой и эффективностью организации. Наше исследование мы проводили в отделе маркетинга НПО «Автоматики». Нами использовались три методики: тест по организационной культуре Р.Ф. Дафта, тест "Пульсар" Л.Г.Почебута для оценки социально-психологических состояний в группе, Анкета «Производительность Предприятия» Дж. Редина.

Оценивая социально-психологическое состояние группы с помощью первой методики, мы определили показатели по таким критериям, как: организованность, референтность, активность, интергративность, направленность, сплоченность. Критерии расположены по убыванию степени их выраженности в группе. Также была дана средняя оценка социально-психологического уровня развития группы, в процентном соотношении она составила порядка 64 %. Таким образом, группа является достаточно зрелой, развитой и способна достаточно эффективно выполнять трудовые задания.

Оценивая организационную культуру, мы определили что балл, соответствующий уровню мощности организационной культуры (47), составляет порядка 70 % от максимально возможного. Это свидетельствует о том, что оргкультура в исследуемом нами отделе выше среднего по мощности, то есть отдел характеризуется умеренно сильной организационной культурой, и она в целом способствует адаптации к внешней среде и соответствует потребностям ее членов.

По результатам третьей методики мы определили эффективность отдела по восьми показателям (эффективная связь с начальством, с подчиненными, с коллегами, авторитет и профиль должности ясно определены, ресурсы, благоприятный климат для ориентации на продуктивность, выгоды, полученные от ориентации на продуктивность, качество информации), и получилось, что почти все показатели находятся выше средней планки. Суммарный показатель эффективности исследуемого нами отдела маркетинга НПО «Автоматики» составил порядка 62 % от максимально возможного.

На основании результатов трех методик, мы пришли к выводу о существовании взаимосвязи показателей организационной культуры и эффективности предприятия. В частности мы выяснили, что уровень сплоченности, интегративности и референтности влияет на показатели эффективности связи с коллегами на предприятии; подготовленность членов организации к деятельности взаимосвязана с уровнем обеспеченности организации ресурсами; четкость определения авторитета и профиля в коллективе коррелирует с организованностью в группе. Кроме этого сравнивая результаты, полученные по трем методикам, в процентном соотношении мы получаем следующее: уровень социально-психологического развития группы 64 %, показатель мощности организационной культуры порядка 70 %, уровень эффективности деятельности – 63 %. Таким образом, мы установили

соответствие между уровнем развития оргкультуры и эффективностью в отделе маркетинга НПО Автоматики.

В ходе анализа результатов тестирований нами были выявлены недостаточно развитые характеристики в организационной культуре отдела. В связи с этим мы предлагаем свои рекомендации по совершенствованию оргкультуры с целью повышения эффективности работы. Характеристика организованности – одна из наиболее выраженных в исследуемой нами группе. Коллектив отдела маркетинга часто пытается самостоятельно организовать свою работу, но это получается не всегда эффективно. Однако же тенденция к самоорганизации безусловно есть, а это обусловлено амбициозностью сотрудников и их стремлением к власти, подтвержденное ранее проводимыми исследованиями. В связи с этим, мы считаем целесообразным направить амбиции работников в нужное русло, и рекомендуем ввести систему проектной работы, а также проводить конкурсы на лучшую инновационную идею по решению конкретной задачи с поощрением по его окончанию. Такая практика проектной деятельности, конкурсов будет способствовать повышению эффективности в коллективе.

Прослеживается огромный пробел в системе обеспеченности ресурсами, а низкие показатели по данной характеристике значительно снижают эффективность деятельности отдела и препятствуют полной реализации потенциала сотрудников отдела. В связи с этим мы рекомендуем уделить внимание технической оснащенности в отделе, в частности, заменить устаревшее оборудование более новым, что позволит уменьшить время остановки работы из-за неисправностей техники и затрат времени на поиск необходимой информации и, соответственно, повысить производительность.

По результатам исследования связь работников отдела с начальство в отделе недостаточно эффективна. Для повышения показателя данной характеристики мы рекомендуем усилить обратную связь с руководством:

- Руководителю необходимо наладить процесс планирования работы. В частности составлять ежемесячный план работы для каждого работника и всего отдела в целом. Это облегчит процесс оценки эффективности деятельности и исключит пересечение функциональных обязанностей сотрудников отдела;
- Предлагаем руководителю при непосредственных встречах с сотрудниками в начале определенного периода работы (месяца, квартала, полугодия и др.) либо в начале определенного проекта обговаривать то, каким образом будет оцениваться эффективность работы сотрудника. По его окончании - предоставлять сотрудникам возможность обсуждать с начальником свою производительность, результаты работы, а также вопросы проблемного взаимодействия в процессе решения поставленных задач;
- Среди каналов обратной связи можно использовать анонимные опросы общественного мнения.

По итогам нашего исследования мы можем сделать вывод, что организационная культура является очень важным фактором формирования успешной работы организации, так как непосредственно связана с показателями эффективности. Именно человеческий фактор, а соответственно и хорошо развитая, сильная организационная культура является залогом эффективности и конкурентоспособности предприятия.

Литература:

1. Акофф Р. Планирование будущего организации, «Прогресс» 1985г.
2. Капитонов Э.А., Капитонов А.Э. Корпоративная культура ОАО Росиздат, 2001.
3. Инновационный менеджмент. Учебник/Под ред. С. Д. Ильенковой, – М.: Юнити, 1997 г.
4. Спивак В.А. корпоративная культура. – СПб: Питер, 2001. – 352 с: ил. – (Серия «Теория и практика менеджмента»).
5. К. Клок, Дж. Голдсмит. Конец менеджмента. – СПб.: Питер, 2004. – 368с

Современная теория социального конфликта Ральфа Дарендорфа

Жвирбо Яна Дмитриевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: zhvirbo@gmail.com

Создание целостной картины современности, понимание и предсказание движения общественных процессов, функционирования социальных институтов и в целом общества эпохи постмодерна невозможны без глубинного анализа теории социального конфликта и ее дальнейшей интенсивной разработки. В подтверждение значимости развития современной социологической теории конфликтов необходимо упомянуть о награде Принца Астурийского в области общественных наук, врученной в 2007 году немецкому социологу и политическому деятелю Р. Дарендорфу за весомый вклад в разработку теории социального конфликта. Специфика этой теории полностью зависит от специфики самих обществ XX в., от оформления в них новых форм конфликта, неравенства и социального протеста. Поэтому представляется достаточно актуальным исследование научных взглядов современного социального мыслителя и общественного деятеля Ральфа Дарендорфа.

С зарождением капиталистических отношений (конец XIX-XX вв.) общество претерпело существенную структурную трансформацию. Классовое общество превратилось в «постклассовое»; новая социальная структура породила новые социальные отношения. Данные социальные изменения повлекли за собой преобразование предмета теории социального конфликта. Для Р. Дарендорфа специфика предмета исследования современной теории социального конфликта заключается в рассмотрении преимущественно правовых и экономических аспектов взаимодействия общества и индивида, социальных групп. Это

связано с формированием в экономически развитых странах гражданского общества, что послужило толчком к образованию ранее не существовавшего класса – «класса граждан». Гражданские права и реальные доходы открывают разные возможности выбора. Наличие различных шансов выбора во всех сферах жизнедеятельности общества является одной из важных проблем современности, требующих особого внимания. Шансы выбора, доходы, права граждан и их обеспечение согласно Р. Дарендорфу непосредственно связаны с жизненными шансами индивидов. Неравномерное распределение жизненных шансов, различные ролевые отношения и неравенство властных позиций, по мнению социолога, являются основными источниками социальных конфликтов. Подавление социальных конфликтов, по мнению Р. Дарендорфа, не приведет к их устранению, поэтому рациональным является регулирование конфликтных ситуаций. Как только они становятся контролируемыми, их сила начинает способствовать дальнейшему развитию социальных структур.

Поскольку устранение причин развития социального конфликта невозможно, нужно искать способы перевода его в другую плоскость. Для Р. Дарендорфа это представляется возможным благодаря проведению равномерных и параллельных политических и экономических преобразований, которые должны быть направлены на создание условий увеличения жизненных шансов граждан. Само преобразование, а также конфликт, Р. Дарендорф считает необходимыми условиями свободы. При этом в обществе должны быть хорошо развиты социальная организация, социальная мобильность и существовать «конституция свободы», содержащая правила, способствующие контролю социальными конфликтами. Предоставление защиты индивидам, развитие в них чувства уверенности неразрывно связаны с необходимостью пересмотра содержания и гражданских прав и жизненных шансов. Важно стремиться к созданию культурно, национально, религиозно разнородного общества, где каждый член будет обладать широкими жизненными шансами, а условия социальной организации в целом будут способствовать формированию коллективной солидарности. Помимо всех указанных факторов к разрешению социального конфликта, по мнению Р. Дарендорфа, могут привести организованность противостоящих сторон, их вдумчивость в доводы друг друга, согласие в отношениях правил игры, институционализация социальных конфликтов (создание комитетов, комиссий, советов и т.д.), присутствие посреднической стороны, переговоры, арбитраж. Важно подчеркнуть еще раз точку зрения Р. Дарендорфа, что конфликты при применении различных методов их регулирования не исчезают, но форма их становится смягченной. Если конфликт подавлен или отсутствует в определенной социальной структуре, то изменений в ней никаких не произойдет.

В заключение важно отметить, что Р. Дарендорф рассматривает социальный конфликт на разных социальных уровнях: от индивида и малой социальной группы до общества в целом. По его мнению, конфликт способствует динамичному развитию социальной системы, если он рационально регулируется. Регулируемый конфликт порождает изменения, являющиеся толчком к эволюции социальной организации. Главная цель данного прогресса, по мнению Р. Дарендорфа, - это построение мирового гражданского общества. Следовательно, современный социальный конфликт является одним из источников

стратегических преобразований социальной системы, и основной задачей социолога должен быть поиск методов рационального регулирования современного социального конфликта.

Литература

1. Р. Дарендорф «Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы»/Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной.- М.: Росспэн, 2002.
2. Р. Дарендорф «Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии»/ Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Я. Близнякова.- М.: «Праксис», 2002. С. 357-374; 426-479.
3. В.И. Добреньков, А.И. Кравченко «Фундаментальная социология». Т.6 - М.: Инфра-М, 2004.
4. А.И. Кравченко «Основы социологии и политологии». – М.: Велби, 2006.
5. Энциклопедический социологический словарь/Под общей редакцией проф. Осипов Г.В. - М.: ИСПИ РАН, 1995.
6. <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/20005/03/16/0000205960/019-darndorf.pdf>
7. www.auditorium/books/1140/g11.pdf

Влияние качества социальной рекламы на формирование экологической культуры в астраханском регионе

Зыгалова Анна Валерьевна

аспирант

Астраханский Государственный Университет, Астрахань, Россия

zugalovav@rambler.ru

Сегодня общество в своем развитии вплотную подошло к осознанию значимости гармоничного сосуществования с той средой, в которой оно находится и развивается. Люди все чаще стали задумываться о пагубном техногенном воздействии на природу и об антигуманном отношении к ней. Но, так как, далеко не все социальные группы населения ответственно подходят к вопросу сохранения окружающей среды, проблема формирования экологической культуры в современном обществе по-прежнему остается актуальной.

Наряду с многочисленными мероприятиями в области формирования экологической культуры, одним из наиболее важных инструментов является создание и размещение социальной рекламы. Социальная реклама способна влиять на формирование сложных психических образований, таких как мировоззрение, эстетические вкусы, социальные ценности, стиль жизни, нравственные ценности. Экологическая реклама является подвидом социальной рекламы, посвященным защите и охране окружающей среды [1].

Являясь сравнительно молодым направлением, насчитывающим чуть более 10 лет существования, социальная экологическая реклама в России только начинает набирать обороты.

В конце октября 2005 года Правительство Москвы обсудило городскую целевую программу развития наружной рекламы города на 2005-2007 годы. Согласно вынесенному постановлению, предполагалось увеличение объема социальной рекламы до 15% от общего количества площадей наружной рекламы. К тому же со стороны властей предполагалось усиление контроля за сохранностью подобных рекламных щитов [2].

За 2007 год был проведен ряд конкурсов в области социальной рекламы по экологическим проблемам в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем-Новгороде, Челябинске и др.

Но так ли обстоят дела с экологической рекламой в Астраханском регионе? Несмотря на то, что решение природоохранных задач на территории Астраханской области является одной из самых насущных проблем, экологической рекламе отводится слишком малый

процент от общего количества площадей, выделенных для наружной рекламы, а также отсутствует размещение экологической рекламы в эфирном времени.

Наряду с ничтожно малой долей экологической рекламы в Астраханском регионе, возникает вопрос о ее эффективности. Ведь эффективная социальная реклама это призыв к конкретным шагам и креативный подход к отображению проблемной ситуации. Как правило, она должна воздействовать на уровне сильнейших эмоций, а не логической аргументации. По меткому выражению авторов Кьелла А. Нордстрема и Йонаса Риддерстрале в книге «Бизнес в стиле фанк», сейчас борются за «доли сердца», а не «доли ума».

К сожалению, социальная реклама по экологическим проблемам в Астраханском регионе не находит должного отклика в сознании людей, которое проявляется в отсутствии мотивации к исправлению сложившейся экологической обстановки.

Основными причинами данной ситуации могут служить такие факторы, как отсутствие системности в исследованиях, игнорирование психографических и поведенческих аспектов, а также создание экологической социальной рекламы без сопровождения специальных исследований, раскрывающих ценностные и мотивационные установки потребителей. В Астраханском регионе это связано с отсутствием широкого распространения качественных методов исследования. Использование методов качественного исследования позволит рекламодателям, проникая вглубь сознания будущих пользователей рекламы, осуществить сбор большого объема эмпирической информации, используемой на всех этапах создания рекламного продукта и повышающей эффективность его воздействия на сознание людей. К методам, отвечающим данному условию можно отнести глубинные интервью, диалоговые группы, фокус-группы, брейн-сторминг-группы, метод психосемантического дифференциала [3].

Следует отметить, что грамотное социологическое обеспечение рекламной деятельности должно начинаться с проведения исследований до начала рекламной кампании и завершаться тестированием готового рекламного продукта.

Кроме использования ряда социологических методов исследования на этапе создания и апробирования рекламных продуктов, Астраханская экологическая реклама нуждается в определении наиболее удачных мест ее размещения. Для привлечения внимания населения города Астрахани к экологическим проблемам, необходимо размещение наружной социальной рекламы на транспорте, билбордах, штендерах и перетяжках. Также большую эффективность будет иметь реклама транслируемая астраханскими радиостанциями и местными каналами телевидения.

В целях же привлечения средств массовой информации к экологическим проблемам и формированию экологической культуры населения необходимо:

- совершенствовать профессиональное мастерство журналистов путем организации мастер-классов, семинаров, круглых столов, экскурсий;
- организовывать ежегодные городские конкурсы на лучшую публикацию, теле- и радиопередачу по экологической проблематике;
- привлекать ученых к созданию популярных книг и брошюр по актуальным экологическим проблемам [4].

Также необходимым является

Следует также отметить, что сегодня очень важно повышать качество социальной рекламы как на общероссийском, так и региональном уровне, ведь это один из основных механизмов формирования экологической культуры населения.

Литература

[1] Леженкина Ю.Н. Экологическая реклама: состояние и перспективы ее развития (<http://lib.socio.msu.ru/library>).

[2] www.mos.ru (Официальный сайт Правительства Москвы).

[3] Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. Москва: Гардарики, 1999. С. 154.

[4] Приложение к постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 07.02.2006 г. Концепция формирования экологической культуры населения Санкт-Петербурга (<http://ecostyle.owspb.ru/vlast/doc/002/php>).

Миграционные потоки Китая и региональная безопасность Дальнего Востока
Колесник Надежда Александровна
Студентка
Хабаровская Государственная Академия Экономики и Права, факультет Менеджер,
Международный Менеджмент, Хабаровск, Россия
hompushka@rambler.ru

Сложившиеся тенденции в воспроизводстве и миграционной подвижности населения в пограничных регионах вызывают опасения. с другой стороны - ослабление связей Дальнего Востока с европейской частью России, быстро усиливающаяся его зависимость от Китая и, наконец, тревожная память о недавнем противостоянии.

Во-первых, огромная разность демографических потенциалов по разные стороны границы. В районе Хабаровска плотность населения достигает 10-20 чел./кв. км, а в прилегающем к нему Северо-Восточном Китае - 130 чел./кв. км. По берегам Амура проживает 1 миллион русских и 17 китайцев.

На российском Дальнем Востоке сегодня проживает 6,6 млн. человек. К 2010 году прогнозируется спад населения на 4,5 %. В пограничных российскому Дальнему Востоку провинциях Северо-Восточного Китая живет 107,3 млн. человек и к 2010 прогнозируется увеличение на 11,2 %. [1]

Во-вторых, перенаселенность и высокая безработица в Китае. В Китае -1,3 млрд. человек. В 2001-2005 гг. отмечены самыми высокими темпами роста населения трудового возраста - 13,6 млн. человек в год. Рост населения трудового возраста привел к тому, что в деревнях насчитывается 150 - 200 млн. излишних трудовых ресурсов. [1]

Для въезда на российскую территорию Дальнего Востока китайские граждане используют все возможные методы: брак, воссоединение семьи, обучение, туризм, зарегистрированный бизнес, аренда или покупка недвижимости.

Приток рабочей силы позволяет обеспечить дальнейший экономический рост, а следовательно, повышение уровня жизни, увеличение пенсий, более широкие возможности социального обеспечения, сохранение системы образования, поддержание в стабильном состоянии армии и милиции. На 1 Ноября 2005 года в Хабаровском крае было зарегистрировано 14 839 граждан Китая. Основными сферами занятости мигрантов являются торговля (33%), строительство (21%), сельское и лесное хозяйство (29%). [2]

В 2002 году при переписи населения в России было зарегистрировано 35 000 китайцев. К этой цифре необходимо также прибавить приблизительно 30 000 нелегалов. Как бы то ни было, даже при самых высоких оценках количество китайцев на Дальнем Востоке не превышает 100 000 человек. [3] Таким образом, пока китайская экспансия на Дальнем Востоке в цифрах выглядит довольно скромно.

С другой стороны, можно говорить о весьма серьезной культурной экспансии. Жители Дальнего Востока давно привыкли к многочисленным китайским ресторанам, их дети учат в школах китайский язык, все носят одежду китайского производства. Многие жители ДВ в возрасте до 20 лет ни разу не были в Москве, но по 3–4 раза

Китайская миграция – это проблема не сегодняшнего дня, а крупная проблема для России, имеющая долгосрочное значение. Сегодня в России надо создавать благоприятный миграционный климат. Для этого необходимо: изменения нормативно-правовой базы,

регулирующей длительность и пребывание иностранной рабочей силы, ответственность предприятий за предоставление нормальных условий труда и быта трудовым мигрантам; строительство общежитий, временных поселков для трудовых мигрантов; совершенствование механизмов сбора информации и регулирования потоков иностранной рабочей силы по странам прибытия, отраслям использования, длительности пребывания; внедрение механизмов легализации мигрантов; разработка концепции привлечения иностранного населения для постоянного проживания на Дальнем Востоке; формирование благоприятного социально-психологического климата; упрощение паспортно-визового режима; борьба с коррупцией и теневым бизнесом на рынке мигрантского труда.

России выгоднее использовать легальные поставки необходимой продукции на свой рынок и свертывать челночную торговлю, сокращая число нелегальных мигрантов.

Выход можно найти в широком применении практики тендеров и заказов, предусматривающих временное использование в России китайской рабочей силы. Целесообразно также, ориентируясь на опыт ряда европейских стран, перейти к выборочному привлечению в Россию китайских специалистов в определенных областях знания и работников, имеющих определенную квалификацию.

Существует возможность формирования основного ядра китайских мигрантов в России из числа студентов. Высокая стоимость образования в Китае и низкое его качество приучили китайцев к мысли о желательности обучения молодежи за пределами страны. В 2003 году только один из 12 китайцев, выезжавших учиться за рубеж, выбрал Россию. Для этого необходима серьезная перестройка законодательства и работы МИД России. [7]

Еще одним выходом из демографического и миграционного кризиса может стать реализации транзитных проектов. Китай в ближайшие 50 лет останется центром производства, а Европа – центром потребления. России необходимо развивать конкурентоспособные транспортные проекты, соединяющие эти два центра и обеспечивающие перевозку товаров между ними. При таком проекте по всей России возникнут точки притока кадров и возможность развивать сферу услуг. К тому же, услуга создает в 2,5 больше рабочих мест, чем промышленность. [9]

Независимо от споров в СМИ, воли политиков и нежелания части граждан Россия вынуждена будет принимать мигрантов во избежание коллапса экономики из-за нехватки рабочих рук. Россия должна уходить от теневой и формировать законную, контролируемую и управляемую миграцию.

В целом угроза китайской экспансии на Дальнем Востоке весьма ограничена. Во-первых, у России есть существенное военно-техническое превосходство, в том числе ядерный потенциал.

Во-вторых, у Китая в пределах его собственных границ остается еще множество недостаточно освоенных территорий. Когда сами китайцы говорят о проблеме перенаселенности, надо понимать, что речь идет, прежде всего, о бурно развивающихся центральных и южных районах страны.

В-третьих, Китаю дешевле и выгоднее инвестировать деньги в добывающую промышленность России, чем самим вкладывать огромные деньги и ресурсы в освоение наших земель.

В-пятых, имеется существенная языковая проблема.

В-шестых, китайцы стремятся выехать в те страны, где есть большая китайская диаспора. Управлять китайской миграции значит не допускать создания «чайна-таунов», нужна система при которой они должны адаптироваться к нашим условиям.[5]

В-седьмых, мигрант стремится уехать туда, где лучше. А в России есть серьезные проблемы с жильем, инфраструктурой и уровень жизни ниже чем в развитых странах.

Литература

1. Хаськович И. Дальний Восток в приближении 28.03.2007// www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=172&tek=6700&issue=187
2. Россия в цифрах: Федеральная служба государственной статистики. - М., 2005.- 140 с.
3. Соколин В. Миграционная статистика в открытом обществе// http://www.strana_oz.ru/authors/?author=448
4. Гельбрас В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке// http://www.strana_oz.ru/?author=454
5. Богаевская А. Китайская миграция на Дальний Восток России, Владивосток// <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1345&more=1&c=1&tb=1&pb=1>
6. Томчин Г. Как привлечь трудовых мигрантов на Дальний Восток? // <http://allmedia.ru/headlineitem.asp?id=356274>
7. Гладкий М. До Китая - рукой подать, а до ВТО еще далеко// http://www.wto.ru/press.asp.msg_id=18933

Феномен «династической сверхъестественности» в элитных кланах США

Красненко Ольга Анатольевна

Аспирант

**Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет социологии, г.
Санкт-Петербург, Россия**

E-mail: olga7919@mail.ru

Феномен «династической сверхъестественности» был выявлен в США в 1990-е годы в ходе социологических исследований, основанных на интервьюировании представителей элитных семей и изучении их автобиографий. Для того чтобы проникнуть в сущность данного явления и понять его значение для выживания элитных кланов, обратимся к базовым понятиям «идентичности» и «самости». Оба эти понятия (и сам феномен) рассматриваются в контексте социализации представителей высших слоев американского общества.

Пожалуй, начнем с определения элитного клана, так как именно он является агентом первичной социализации его членов. Итак, во-первых, элитный клан – это группа индивидов, тесно связанная между собой семейными узами и находящаяся на вершине социальной

пирамиды. Во-вторых, тесная связь предполагает значительную обособленность, замкнутость данной социальной группы, создающая эффект «стеклянного потолка», т.е. такого состояния, когда представители других слоев общества могут наблюдать «красивую» жизнь элиты, но не могут туда проникнуть. Обособленность, замкнутость клана является одним из условий его выживания, но не главным. В-третьих, основной деятельностью элитных кланов служит политика, бизнес или культура, так как элитный статус предполагает доступ к дефицитному ресурсу, который закрыт для остальных членов общества.

Конечно, США является образцом демократического государства, а это означает возможность свободной циркуляции элит. Меритократия, а не «чистота крови», служит направляющей силой к вершинам социальной лестницы. Однако еще со времен Питирима Сорокина известно, что верхушка социального конуса всегда меньше его основания. Это означает, что не все желающие смогут «забраться» наверх и основать там свой клан. Следовательно, только личности-«пассионарии», обладающие недюжинной энергией, умом, незаурядной внешностью и ярким талантом, могут рассчитывать на успех. Если перед нами такой «избранник»¹ фортуны, то согласно культурной традиции США, он должен успеть за свою жизнь создать свое дело, накопить денег для его поддержания и, конечно же, основать свой клан. Допустим, он все это успел, и клан создан, но семья еще должна продемонстрировать свою устойчивость во времени. В этой связи стоит отметить, что в США самый короткий цикл циркуляции элит: он насчитывает четыре поколения. В первом поколении появляется яркий основоположник династии, а к четвертому поколению династия либо распадается, либо передает «бразды управления» семейным делом в чужие руки.

Идентичность. Именно она скрепляет клан и дает ему возможность выжить. Идентичность как отождествление себя с «магическим» именем именно данной семьи, как граница между нами и ними. Очень важно для продолжения династии, чтобы эту идентичность разделял и наследник¹ рода, на которого обращены полные надежды взгляды других членов клана. Ведь именно ему предстоит продолжить дело всей жизни основателя рода, и от успешности его продолжения будет зависеть качество жизни других представителей семьи. Следует заметить, что родители в таких семьях не скупятся инвестировать в человеческий капитал, т.е. на развитие личности своих детей. Так, наследника династии отправляют учиться в лучшие учебные заведения, где его основной задачей становится не только освоение определенной профессии (экономики или юриспруденции), но и развитие своих лидерских качеств в среде сверстников. И все же первичная социализация наследника происходит дома, и именно она направлена на развитие его идентичности. К сожалению, сам великий основатель династии не может стать агентом социализации и воспитывать своих потомков в духе великой идеи, послужившей основанием семейного бизнеса, но эта и не беда. Дело в том, что эту роль с лихвой выполняют другие агенты социализации (родители, прислуга, учителя и даже СМИ), которые в виде отдельных диалогов, рассказов, реплик передают наследникам легенду об их великом предке и об их сходстве с ним. Дети элитных кланов США воспитываются в атмосфере культа их великого предка, что иногда порождает гордость ввиду принадлежности к такой семье, а иногда и раздражение, выражающееся в бегстве из семейного очага в поисках собственной самости.

«Я знаю, кто он. Но кто я? Где мое место в мире? Что есть дело моей жизни?» – эти вопросы, вероятно, задают себе потоки американских династий, покидая порог «уютного» клана, уезжая за границу, где они начинают работать, учиться и жить самостоятельно, формируя свою новую личность. Иногда вехи формирования своей самости потомки элитных американских семей фиксируют в автобиографиях, которые являются полезным источником для социолога, анализирующего феномен «династической сверхъестественности».

Итак, феномен «династической сверхъестественности» заключается в том, что, не смотря на все попытки потомков сформировать независимую от семейной идентичности самость, личность великого предка рано или поздно проявляется в личности потомка, что выражается в манере ведения бизнеса, в подобию характеров, ментальных привычках, в отношении к деньгам, сексуальности и понимании самости. Кроме того, этот самый феномен, так или иначе, возвращает потомков к делу всей жизни своих предков. Вероятней всего, одной из причин возникновения феномена «династической сверхъестественности» является первичная социализация, проводимая в кругу семьи на подсознательном уровне. Хотя и этот вопрос остается дискуссионным. Конечно, усилия по формированию независимой самости не проходят бесследно, и «династическая сверхъестественность» проявляется на качественно новом этапе развития личности, тем самым, способствуя укреплению семейного дела и клана. Таким образом, можно сделать вывод, что в США феномен «династической сверхъестественности» служит основным условием продолжительного существования семьи на элитных позициях общества.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма //Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.2006
3. Вебер М., Основные социологические понятия//Избранное: Протестантская этика
4. David Howell. The edge of now. London 2000
5. Кули Ч. Социальная самость. В кн.: Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994
6. Jaio de Pina-Cabral. Elites (Choice, Leadership and Succession). Oxford 2000.
7. Сорокин П.А. Общая социология // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992

Влияние корпоративной культуры на управление качеством социального обслуживания

Крысова Елена Витальевна

студент

*Марийский государственный технический университет, факультет социальных технологий,
Йошкар-Ола, Россия*

e-mail: lenakr86@mail.ru

Согласно действующей редакции Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», решение проблем, связанных со стандартизацией в области социального обслуживания, возложено на субъекты Российской Федерации. Начиная с 2006 года, Министерство социальной защиты населения и труда Республики Марий Эл проводит мониторинг за соблюдением требований законодательства и государственных стандартов в области социального обслуживания населения. А с января 2008 года инициирует деятельность по внедрению стандарта Республики Марий Эл «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг. Качество социальных услуг» на региональном и муниципальном уровнях. Проблема стандартизации социального обслуживания имеет 2 аспекта: не только разработку стандартов социальных услуг и социальных нормативов, но и внедрение их в практическую деятельность специалистов социальных служб.

В ноябре 2007 года в Муниципальном учреждении социального обслуживания «Территориальный центр социального обслуживания населения» Медведевского муниципального района было проведено исследование. С целью выявить уровень информированности специалистов и социальных работников учреждения о потребностях и потенциальном спросе на услуги, а так же изучить уровень профессиональной мотивации и самооценки качества выполняемой работы. Мы полагаем, что информированность и профессиональная самооценка работников являются существенным фактором, влияющим на деятельность по внедрению стандартов. В интервью участвовали 12 специалистов центра и 9 социальных работников одного отдела, что в общем количестве составило 21 человека.

Среди социальных работников, принимавших участие в исследовании, преобладают люди средних и старших возрастов, подготовка которых ограничена инструктированием на рабочем месте. Ответы на вопрос о том, чем они непосредственно занимаются на работе, позволяет судить о том, что социальными работниками выполняется обязательный минимум по оказанию социальных услуг. Большинство из них не удовлетворены уровнем оплаты труда. Однако респонденты видят своеобразную компенсацию в свободном режиме рабочего дня, хороших отношениях в коллективе, в том числе и с руководством. Информацию о возможных клиентах социальные работники получают заявительным способом от самого клиента или его близких. При этом представляют ситуацию с информированием клиента о предоставляемых услугах, как благополучную и считают, что клиенты достаточно информированы. Как правило, взаимоотношения с клиентами приобретают неформальный межличностный характер. И отвечая на вопрос о том, что получает клиент в результате оказанных ему услуг, все в первую очередь отметили возможность общения, избавления клиентов от одиночества. Больше половины социальных работников еще назвали

возможность получения бытового и санитарно-гигиенического ухода, а так же возможность улучшить питание, решить проблемы с одеждой и обувью. На ряд вопросов об эффективности работы центра, об охвате нуждающихся социальной помощью и услугами, а так же о спросе на услуги почти у всех прозвучали ответы, что эффективностью работы центра в основном удовлетворены, услугами охвачено большинство нуждающихся, а спрос совпадает с возможностями отдела. И никто не ответил, что спрос весьма значителен, имеется большая очередь клиентов. Скорее такие положительные характеристики отражают не хорошее положение дел в центре, а невысокий уровень информированности и ограниченную включенность социальных работников в профессиональную роль. Отсутствие жалоб и благодарность клиента для большинства социальных работников считаются основным показателем успешности обслуживания, а не такие формальные характеристики как своевременность, полнота услуги. Вопрос о негативных явлениях, встречающихся в работе отдела (центра) вызвал затруднение более половины респондентов. Из возможного перечня факторов, мешающих центру оказывать качественные социальные услуги, работники считают актуальными: недостаточное финансирование и отсутствие достаточных возможностей психологической разгрузки, восстановления сил. И для большинства из них эффективность социального обслуживания заключается в успехах каждого конкретного клиента. Специалисты по социальной работе, так же как и социальные работники, не информированы о спросе на обслуживание и лишь один специалист службы срочной социальной помощи ответил, что спрос велик, имеется большая очередь клиентов. В данной ситуации информированность специалистов могла бы стимулировать их на поиск возможностей для расширения охвата обслуживания (применение новых технологий, развитие проектной деятельности учреждения). В результате оказанных услуг, клиент – по мнению большинства специалистов центра, получает психологическую разгрузку, улучшает настроение и поправляет, хоть не на много, материальное положение. Специалисты центра в основном удовлетворены эффективностью своей работы, больше половины считают, что центр справляется со своими задачами («нет» не ответил никто). Среди причин, мешающих центру оказывать качественные социальные услуги, респонденты указали: недостаточное финансирование, недостаточные возможности восстановления сил, недостатки нормативной базы и методического обеспечения, невысокие возможности учебы и повышения квалификации. Для большинства специалистов удовлетворенность клиента остается критерием успешности оказанной социальной услуги, но при этом она должна быть своевременной, соответствовать потребностям и ожиданиям клиента. Более половины специалистов ответили, что может быть найдена возможность для расширения ассортимента, предлагаемых услуг и треть ответила, что такой возможности нет. Специалисты по социальной работе участвуют в планировании деятельности центра и должны ориентироваться в возможных перспективах и проблемах.

Проведенное исследование показало, что деятельность социального работника воспринимается как межличностные отношения, проявление участия и помощи, которые не нуждаются в строгой формализации, а качество обслуживания зависит от личностных качеств самого работника (эмпатии, умения выслушать, терпения, доброты). Эта деятельность, по-прежнему (начиная с 90-х гг.), не воспринимается как профессиональная. Состав социальных работников стабильный, текучесть кадрового состава низкая. Это, во

многим, определяет традиции профессионального поведения и отношения к работе, ставшие фактором организационной культуры. В данных условиях попытки формализации трудовых отношений, взаимодействия с клиентами, согласно требованиям стандартов, встретят настороженность и даже негативное отношение. Таким образом, при разработке мер организационного характера по внедрению стандартов, необходимо учитывать, что процедуру внедрения стандартов будут осложнять две группы факторов: 1. нехватка специалистов и 2. сложившаяся организационная культура, в рамках которой существует недостаточная информированность работников о реальных потребностях населения и о потенциальных возможностях учреждения по расширению спектра услуг.

Литература

1. Шкиндер Н.Л., Шкиндер В.И. Возможности нормативного подхода к социальному обслуживанию населения: взгляд на проблему стандартизации социальных услуг. // Отечественный журнал социальной работы. № 3, 2007 с.71-80

Концепт социального действия в объяснительной модели Дж. Коулмена

Крючкова Юлия Олеговна¹

аспирант

*Российский университет дружбы народов,
факультет гуманитарных и социальных наук, Москва, Россия*

E-mail: julia-k@newmail.ru

Одна из задач, адресованных современной социологии, давать теоретико-концептуальные «ключи», позволяющие объяснять факты, интерпретировать обнаруживаемые феномены и производить знания. Особое внимание хотелось бы обратить на проблематику, которая, очевидно, занимает одно из доминирующих положений в современной социологии, по крайней мере, если судить по количеству и качеству вкладываемых в нее интеллектуальных «инвестиций». Речь идет о проблеме интерпретации

индивидуального действия. Усложнение контекста общественной жизни и социальных отношений требует обращения к множеству логик действия. Кроме того, призывом социологического теоретизирования выступает актуальное решение вопроса, касающегося интеграции микро- и макроуровней анализа. В настоящее время немалый интерес проявляется к изучению причин поведения индивидов.

Все более популярным вариантом социологического мышления становится теория рационального выбора, разработанная американским социологом Дж. Коулменом (1926-1995). Предложенная им концептуальная модель, интегрирующая, в частности, контроль над ресурсами и власть, позволяет нам уделять больше внимания поведению акторов и приданию им эмпирического статуса.

Теоретическая парадигма Коулмена ставит во главу угла конструирование реальности социальными организациями и институтами, в процессе которого акторы делают выбор и выражают индивидуальное поведение. По мысли Коулмена, теория рационального выбора в социологии базируется на нескольких постулатах:

- В центре социологического анализа находятся индивиды. Истоком любого действия является индивид. Индивидуальные действия формируются социальной системой на макроуровне и в совокупности оказывают влияние на системные результаты.
- Максимизация полезности. Индивиды имеют определенные цели и выбирают стратегию поведения, которая позволяет наиболее эффективным способом достичь этих целей.
- Социальная оптимальность. «Парето-оптимальность», в соответствии с которой положение одного индивида нельзя улучшить, не ухудшая при этом положения остальных, может быть результатом действия, но необязательно выступать его мотивом.
- «Эквилибриум» системы. Социальное равновесие достигается тогда, когда ни один актор не может в одностороннем порядке улучшить свое положение, поэтому у него отсутствуют стимулы менять действия.
- Полезность от лишения контроля. Индивиды могут увеличить полезность путем односторонней потери ресурса, например, утрата контроля над собственными действиями. Это может привести к созданию властной структуры или нестабильности системы.
- Социальный капитал. Данный ресурс возникает в результате функционирования социальной организации. Его ценность зависит от продолжительности и сложности социальных отношений и сетей. Согласно теории рационального выбора, социальный капитал может быть внешним по отношению к системе фактором.
- Распределение и происхождение прав. Рациональность в определенных обстоятельствах может зависеть от распределения прав, формируемых, в свою очередь, в результате социальных процессов, в соответствии с которыми индивиды действуют рационально (т.е. они никогда не сделают невыгодный выбор, если таковой в принципе возможен), чтобы получить наилучшее распределение прав.

- **Приоритет социальных институтов.** Социальные институты выступают посредниками между индивидами и макросистемой, а также формируют условия на макроуровне, влияющие на поведение индивидов.

Описание Коулменом теории рационального выбора выдвигает на первый план способы, посредством которых осуществляется динамичное взаимодействие индивидов и их социальной системы. Однако как определить, что играет ведущую роль во влиянии на системные изменения или индивидуальное действие? Этот вопрос остается открытым. Можно, таким образом, утверждать, что на разработку таких моделей, в которых индивидуальные и системные переменные находятся в тесном взаимодействии, социологическая теория и призвана направить свою активность, стремясь найти принципы интеграции уровней реальности.

Литература

1. Кюзн Ш.А. (2006) В каком состоянии находится социология? // Социологические исследования. № 8. С. 13-19.
2. Романовский Н.В. (2005) Мультипарадигмальная социология – Auf Wiedersehen? // Социологические исследования. №2. С. 23-32.
3. Швери Р. (1996) Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. №1/2. С.62-81.
4. Coleman J. Foundations of Social Theory. (1990) Cambridge (MA): Harvard University Press.
5. Favell A. (1993) J. Coleman. Social Theorist and Moral Philosopher? // The American Journal of Sociology. Vol. 99. No. 3. P. 590-613.
6. Lambert K. (2000) Handlungstheorie zwischen Kommunitarismus und Rational Choice: Dissertation. Universität Mannheim. 259 S.
7. Marsden P. (2005) The Sociology of James S. Coleman // Annual Review of Sociology. Vol. 31. (August). P. 1-24.
8. Swedberg R. (1990) Economics and Sociology – Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists. Princeton (NJ): Princeton University Press.

Формы государственной поддержки незащищенных слоев населения

Кудинова Елена Сергеевна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

социологический факультет

Государственная поддержка – это система законодательных и социально-экономических гарантий, средств и мер, благодаря которым создаются равные для членов общества условия, обеспечивающие достойное и социально приемлемое качество их жизни.

Главная задача государственной поддержки – обеспечить стабильность в стране и социальную защиту граждан в новых условиях.

В настоящее время практически все государства являются социальными. Социальное государство – это государство, строящее свою политику с учетом интересов всех, без исключения, социальных слоев и групп, составляющих современное общество.

Социальное государство должно обеспечивать людям прожиточный минимум, создавать условия для обеспечения граждан работой, перераспределять доходы через государственный бюджет, охранять наемный труд, заботиться об образовании, здравоохранении, культуре, семье, постоянно улучшать социальное обеспечение и другое.

Целью социального государства является обеспечение свободы и социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения (безработных, нетрудоспособных, инвалидов и т.д.).

Основные направления государственной поддержки:¹

- правовая природа социальной политики;
- социальное обеспечение;
- предоставление социальных услуг;
- доступность социальной поддержки для всех членов общества;
- наличие государственных структур социальной защиты, социального обеспечения и занятости;
- принятие государством ответственности за достойный уровень благосостояния граждан.

Основной задачей социального государства является обеспечение равноправия, нравственности и справедливости в отношениях между людьми. Эти принципы могут быть реализованы путем расширения социальных программ, поощрения благотворительной деятельности (в частности, освобождения от налогов предпринимательских структур, осуществляющих благотворительную деятельность).

Современное социальное государство представляет собой особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности.¹

Государство заинтересовано в поддержке социально уязвимых групп населения. Это объясняется несколькими причинами: государство, которое считает себя цивилизованным обязано «обеспечить населению достойный уровень жизни»; государство заинтересовано в расширенном воспроизводстве квалифицированной рабочей силы; социально-экономическая поддержка неимущих «сглаживает» экономическое состояние различных групп населения.

Решение проблемы государственной поддержки незащищенных слоев населения является одним из приоритетных направлений государственной политики в нашей стране на современном этапе и в значительной мере определяет уровень социального благополучия, как всего населения России, так и его социально уязвимых слоев.

Литература

1. Конституция РФ.

2. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы. - Вестник Российского университета дружбы народов, 2000г., №2, с.48-58.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2004. – 400с.
4. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2003. – 568с.
5. Социальное государство: концепция и сущность. ДИЕ РАН №138 – М.: ИЕ РАН – издательство «ОГНИ», 2004. – 128с.
6. Федеральная служба государственной статистики // www.gks.ru

Социология революции

Кузьменков Владимир Александрович¹

студент

*Орловский государственный технический университет, Гуманитарный факультет, Орел,
Россия.*

E-mail:kuzmenkov-vladim@mail.ru

Введение

Революция является одним из сложнейших этапов в истории развития общества и требует особого изучения. Во время неё все правила и нормы существования общества отменяются, социальное переходит в совершенно особое состояние, трансформация затрагивает каждую составляющую системы. Революция накладывает глубокий отпечаток не только на человека, но и на функционирование социальных институтов, демографическую ситуацию, действие норм и обычаев, отношения между классами. Изменения столь значительны, что они непосредственно влияют на будущее, в чём мы, проанализировав историю, можем убедиться. Революция рождает новое социальное через разрушение старого, но как ни парадоксально, во многом копируя его. Время революции характеризуется социальной нестабильностью, дисбалансом стратификации и мобильности, появлением идеологических принципов разделения индивидов на группы, господством иллюзий о «золотом веке», к которому якобы может прийти общество после завершения революции.

Начало социологии революции как самостоятельному направлению дал П. Сорокин в одноимённой работе в 1925 году. После него было создано множество моделей и теорий революционных изменений, но в виду их противоречивости и непримиримости представление о революции оказалось искажённым. Целью этой работы является обоснование нового, комплексного подхода к изучению революции с учётом

предшествующих разработок социологов. Кроме того, представляется целесообразным создать классификацию и периодизацию революций.

Полное обследование общества в период его кризиса невозможно, ибо нельзя быть готовым к такому социальному потрясению. Социологи довольствуются статистическими и теоретическими выкладками, иногда биографическими документами, создающими достаточно ясную, но всё же не вполне детальную картину. Однако качественный социологический анализ самого мощного общественного кризиса позволяет составить представление о жизнедеятельности революционного общества, проанализировать состояние социума как системы, получить информацию об изменениях идеалов, норм и ценностей, объяснить современную структуру общества, процессы мобильности и стратификации. В современной России и некоторых регионах мира наблюдаются зачатки серьёзного конфликта, оставляемые без внимания. Анализ социокультурного состояния общества позволит диагностировать проблемы и искать пути их решения. Представляется реальным, что при тщательной разработке направления будет возможно прогнозировать социальные изменения и предотвращать их негативное влияние.

Методы

Исходя из специфики работы, целесообразно использовать несколько методов: системный, поскольку общество будет рассматриваться как система, а также в единое будут сведены некоторые подходы к изучению революций; исторический – эта работа нуждается в большом числе фактов и сама тема подразумевает под собой их использование; сравнительный, позволяющий сопоставить различные события и выявить определённые закономерности, или наоборот, опровергнуть какое-либо положение; описательный, при помощи которого возможно подробно рассмотреть различные события.

Результаты

В ходе проведённой работы была с относительной точностью воссоздана картина революционного процесса. Исторический анализ показывает, что «не в истощённой стране, а напротив, в цветущей, полной жизненных сил предстоит разразиться революции» (А. Матье). Но эта цветущая страна отравлена трупным ядом, накопилось очень много нерешённых проблем, подспудно вызревающих в глубине и выплёскивающихся наружу при социальном катаклизме вроде войны, голода и т.д. Революция развивается подобно цепной реакции и ядерному взрыву. Одной из причин её возникновения является перерастание системой классов и групп существующих рамок общества. Социальная структура не соответствует существующим стагнационным принципам функционирования общества, налицо несхожесть её с существующими стратификацией и мобильностью. Общество делится на две части: одна представляет реформационное направление, а другая – консервативное, стагнационное. Отжившие, рудиментарные группы и классы уничтожаются насильственным путём. Вместо них возникают новые после процесса специфической социальной мобильности, обрисованной подробно у Сорокина. В этом заключается позитивная сторона революции, позволяющая обществу ценой потерь перейти на новую ступень развития. Новые лидеры – и «душитель революции» – закрепляются на вершине пирамиды. Общество переживает

длительный период выздоровления, прежде чем вновь обрести стабильность. Образцы нового общества отливаются по старым лекалам с определёнными структурными изменениями.

Взяв за основу классификации революций критерий вовлечённости классов, мы сделали вывод о том, что они бывают четырёх видов: масштабные сельские восстания, социалистические («городские») революции, либеральные (буржуазные) революции и социальные революции. К первому виду относятся, например, восстания Спартака и Жакерия, ко второму – все революции 19 века, русская 1905–1907 гг. и Ноябрьская, к третьему – английские и американская, к четвёртому – Великая французская и русская 1917–1923 гг. Каждый вид детерминирован своими причинами, целями классов и групп, экономическим развитием, состоянием общества и прочими причинами. Параллельно опровергнут миф о двух революциях 1917 года – Февральской и Октябрьской. Революции свойственен ряд фаз протекания: фаза 1-я – предреволюционная или фаза кризиса; фаза 2-я – начала революции или фаза энтузиазма; фаза 3-я – деструктивная или фаза тирании революции; фаза 4-я – конструктивная или фаза контрреволюции; фаза 5-я – послереволюционная или фаза душителя революции. Каждая фаза имеет свою специфику, периодизацию, подробную характеристику.

Комплексная теория революции представляет собой переосмысление идей теоретиков революции. Одна концепция не противоречит другой, а дополняет её недостатки, таким образом, путём соединения сильных сторон и частичного включения собственной позиции удалось разработать новую теорию. Её суть заключается в признании социальных, политических, экономических и психологических процессов исключительно важными и взаимозависимыми. В конце работы собраны основные теоремы и аксиомы революции, высказанные разными исследователями. Только при признании единства всех теорий возможно добиться конструктивной концепции и ясной картины происходящих в революции процессов.

Литература

1. Арон Р. «Этапы развития социологической мысли» под общей редакцией Гуревича. Москва, издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993.
2. Добренков В.И., Кравченко А.И. «Социология». Москва, «Инфра – М», 2006.
3. Ортега-и-Гассет Х. «Восстание масс». Москва, издательство «АСТ», 2003.
4. Сорокин П.А. «Человек. Цивилизация. Общество». Москва, «Политиздат», 1992.
5. Штомпка П. «Социология социальных изменений». www.mx4.ru

Тенденции формирования ценностей у молодежи: социокультурный аспект

Лебедева Людмила Геннадьевна

Старший преподаватель кафедры социально-политических наук

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

ludleb@mail.ru

Для сегодняшней социальной практики и будущего российского общества проблема формирования ценностных ориентаций молодежи превратилась в одну из важнейших.

Анализ ценностных ориентаций современной молодежи предполагает учет ряда факторов, которые главным образом, и оказывают влияние на процесс формирования системы ценностных ориентаций. Прежде всего, это - социокультурная ситуация, которая сложилась в современной России, а также - специфика молодежи как относительно самостоятельной социально-демографической группы в системе межпоколенческих отношений.

Анализ современной ситуации, как нам представляется, необходимо вести с точки зрения складывающегося в настоящее время в отечественной социологии и культурологии при рассмотрении общественных явлений социокультурного подхода, который предполагает, по определению Н.И Лапина, - «понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [1, с. 24-25].

Преобразования в социокультурной сфере российского общества сопряжены со становлением системы рыночных отношений. Общественные изменения в условиях неустойчивости социальной системы привели к реформированию всех сфер общественной жизни, вызванному необходимостью адаптации к быстро изменяющимся социальным условиям.

При обсуждении положения дел в современной России самой распространенной и общепризнанной формулой стала фраза: «Российское общество переживает кризис». Однако, характеристика российской молодежи как молодежи эпохи кризиса требует более конкретного представления о кризисе как социокультурном феномене.

В понимании кризиса как социокультурного феномена существуют различные точки зрения. Так, Н.И. Лапин проводит классификацию кризисов, согласно которой существуют: локальные (ограниченные некоторой территорией); институциональные (поражают определенную сферу жизни) и общие - социетальные (охватывающие собой все общество) кризисы. Среди социетальных он выделяет социальный кризис, возникающий в различных процессах человеческой деятельности, и культурный, который деформирует сами способы деятельности и типы воспроизводства жизнедеятельности общества. Универсальным же, «объемлющим как совокупность социальных отношений между людьми, так и культуру, т.е. совокупность способов и результатов деятельности людей», является социокультурный кризис [2, с. 9].

В ходе современного патологического социокультурного кризиса в России Н.И. Лапин

выделяет различные формы его проявления. Так, общий кризис включает в себя политическую, экономическую, структурно-производственную и собственно социальную сферы. Одновременно развивается и кризис культуры, включающий в себя духовно-нравственную, трудовую, этническую и экологическую сферы. При этом социальный и культурный кризис действуют в социуме одновременно и взаимодействуют друг с другом.

Особо следует отметить тот факт, что современный кризис российского общества - это дезинтеграция определенного образа жизни и образа мышления. Реформируется не только экономика, но и сознание людей. И наиболее остро ощущается кризис мировоззренческий, связанный, прежде всего, с кризисом системы ценностей.

Современное российское общество переживает глубокий кризис ценностей. Уже само определение сути и причин этого кризиса вызывает дискуссии. Одни связывают его с «утратой чувства общенациональной перспективы», с «всеобщим кризисом идентичности» [3, с. 1]. По мнению других, дело в том, что американская массовая культура вытесняет традиционную российскую культуру. Обобщив разные точки зрения, мы полагаем, что суть ценностного кризиса заключается в «невписанности» любой возможной нравственно-осознанной деятельности в какой-либо реально существующий или проектируемый строй исторического бытия, в обесмысливании всяких усилий индивида, если они не сводятся к элементарному выживанию.

Конечно, кризис ценностей не ведет автоматически к политическому параличу, но его последствия, тем не менее, серьезно сказываются на функционировании общества. Распад сферы представлений о высших целях грозит невозможностью для индивида идентифицировать себя с целями и ценностями общественной жизни.

Ценностный кризис проявляется, прежде всего, в увеличении разрыва между конкретными ценностными установками индивидов и меняющимися социокультурными факторами, их формирующими. В этом плане для нормализации состояния общества, его интеграции необходимо наличие механизмов передачи и изменения социально-культурного наследия. Отсутствие последних приводит к опасным деформациям социокультурных механизмов воспроизводства общества.

Общие черты состояния общественного сознания определены процессом перехода общества из одного состояния в другое, происходящим в нашей стране. По мнению ряда ученых, этот процесс сопровождается «преобразованием сложившейся системы социальных идеалов»

Отсутствие новой парадигмы развития общества, новых целей, понятных и разделяемых большинством, приводят к тому, что подавляющая часть населения не понимает, каковы социальные задачи проводимых реформ.

Духовная «потерянность» с одной стороны, активный поиск новой системы ценностей - с другой, характеризуют социокультурную ситуацию в современной России. Это актуализирует проблему достижения консенсуса ценностного сознания общества, выработку

интегрирующей ценностной системы, идеи, которая смогла бы обеспечить гражданский мир, согласие.

Россия в настоящий момент еще раз встала перед выбором: следовать ли ей традиционным, вытекающим из ее культурно-цивилизационной специфики, путем или же отказаться от своей специфики, скопировать западный опыт, двигаться в направлении, определенном западноевропейской культурной традицией.

Идеология перестройки содержала иллюзии по поводу того, что ценностное сознание меняется чрезвычайно быстро и что его изменить легче, чем экономические отношения. Видимость процесса подтверждала это: словесно состоялся массовый переход от коммунизма к демократии, т.е. от ценностей коллективизма и уравнилельной справедливости к ценностям индивидуализма и свободы в распределении благ.

Совершенно очевидно, что прозападная ориентация, которую многие отождествляют с модернизацией, не соответствует потребностям российского общества, поскольку отрицает его традиции, историю, образ жизни. Кризис духовности в современной России, о котором так много говорят, приобретает форму кризиса идентичности, когда приверженность собственным национальным идеалам вступает в противоречие с необходимостью модернизации общества. Очевидно, что механического выбора здесь быть не может, необходим принципиально новый путь развития, при котором осуществлялось бы диалектическое снятие противоречия между западными стандартами и собственными традициями.

1. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. - М., 2000.
2. Динамика ценностей населения реформируемой России /Отв. Ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. - М., 1996.
3. Ахиезер А.С. Нравственность в России и противостояние катастрофам //ОНС. - 1997. - № 6. С. 6-14.

Феномен гражданского общества в социологии Ю. Хабермаса.

Леньшин Петр Владимирович

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: petya-l@yandex.ru

Феномен гражданского общества и его теоретическая интерпретация являлись и являются ключевой темой исследований многих ученых. Начиная с античности, философы и

45

общественные деятели выдвигали свои концепции относительно как самой идеи гражданского общества, его соотношения с государством, так и практических особенностях его становления и функционирования. Труды исследователей нашего времени являются продолжением изучения этого феномена.

Один из наиболее видных социологов современности, вынесший на суд общественности оригинальную интерпретацию гражданского общества, - представитель Франкфуртской школы Ю.Хабермас. Свои научные размышления он строит в контексте коммуникативного действия в публичной сфере. Публичная сфера общества, характеризуемая "плотностью" коммуникаций, организационной комплексностью и широтой охвата индивидов, выделяется им в отдельный сегмент, который принципиально отличен и не сводим к политической подсистеме социума, а также к частным и функциональным подсистемам. В этой сфере формируется гражданское общество, основным ресурсом которого является способность к внутренней трансформации. Наиболее важная из его характеристик - воздействие на людей, функционирующих в рамках политической системы, однако воздействие это носит косвенный характер. Основы формирования гражданского общества, способного эффективно функционировать в публичной сфере, лежат в наличие должного уровня рационализации внешнего мира и либерального стереотипа деятельности.

Для полного понимания механизмов взаимодействия гражданского общества и политической подсистемы социума необходимо типологизировать субъектов публичной сферы. Целесообразно выделить субъектов публичной сферы, которые возникают непосредственно в ней, а также тех, кто появляется в этой среде с целью ее использования в собственных интересах. Отдельно рассматривается группа, в состав которой входят журналисты, работники сферы рекламы и средств массовой информации, то есть те люди, которые собирают информацию и принимают решения относительно выбора и позиционирования программ, осуществляют контроль за тематикой и контекстом сообщений.

Взаимодействие политической и публичной сфер в рамках определения социально значимых проблем, обсуждающихся по каналам массовой коммуникации, может складываться по трем возможным сценариям. В первом из них доминирующая масса занимает пассивную позицию (то есть или исключена из процесса, или обладает малым влиянием на него), в то время как основным источником инициатив являются политические лидеры и лица, занимающие важные позиции в бюрократическом аппарате. Во втором сценарии инициативы вновь принадлежат представителям политической системы, но активные лица должны мобилизовать публичную сферу, так как они заинтересованы в деятельности отдельных групп для реализации собственных планов. И только в третьем случае инициативы исходят от периферийных сил, находящихся вне политической системы. В последнем случае становятся задействованы ресурсы гражданского общества посредством мобилизации общественного мнения. Именно гражданские активисты и интеллектуалы, а также озабоченные текущей общественной ситуацией профессионалы, крупные корпорации и функциональные системы инициируют публичные дискуссии и выражают свое несогласие с происходящим, которое имеет далеко идущие последствия для общества в целом. Обсуждение социальной проблемы начинается с периферии и продолжается в сообщениях средств массовой информации, тем самым создавая базис для объединения различного характера и трансформируясь в конечном итоге в социальные движения и новые субкультуры. Результатом активности представителей гражданского общества является оспаривание легитимности существующих состояний в границах определенного социума. Данная деятельность может трансформироваться в движения гражданского неповиновения и свидетельствовать о политическом кризисе, быть ориентированной против принимаемых политических решениях, не согласующихся с базисными конституционными признаками.

Процесс постоянного диалога в контексте согласования оптимальной конституции – залог возможности реализации идеи справедливого общества. Взаимодействие гражданского общества и политической подсистемы социума может быть эффективной лишь благодаря реализации в публичной сфере потенциала коммуникативного действия, которое дает импульс социальной и системной интеграции общества.

Литература:

1. Марков Б.В. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Ст.-Петербург, 2000.
2. Петренко Е.Л. Ю.Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М, 2003.
3. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Идея гражданского общества в социальной мысли, М.:Союз,1993.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.:Наука, 2000.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.:Весь Мир, 2003.

Организационно-социальный капитал в современной России

Максимов Алексей Викторович

аспирант

Московский Авиационный Институт (Технический Университет), Москва, Россия

E-mail: arogvat@list.ru

В современном обществе проблема социального капитала и его уменьшения и изменения его сути стоит очень остро (Пантем, 2000) основными причинами этого можно видеть изменение экономической структуры общества, сокращение личного времени, увеличение расстояний между людьми в современном мегаполисе, бурное развитие электронных СМИ и Интернета. В этой связи особое значение приобретает социальный капитал, накапливаемый человеком на его месте работы и его наложение на существующую организационную структуру компании-работодателя. Этот наложение и взаимодействие организационного и социального капиталов может послужить существенным фактором увеличения эффективности деятельности организации. Однако, в современной России, в

большинстве компаний эта возможность повысить эффективность организации не используется, в отличие от иностранных компаний, а слепое копирование методов зарубежных компаний не даёт сколь-нибудь существенного результата.

Основываясь на концепциях социального (Бурдье, П. Блау, М. Грановеттер, Х. Уайт) и организационного капиталов, нами был проведён анализ уровня выраженности, развития социально-организационного капитала в различных типах российских организаций, а также методов и результативности его использования в целях организации. Для этого использовались внутренние документы организаций и метод включённого наблюдения, позволивший наиболее полно изучить исследуемый предмет. В качестве основных переменных использовались понятия внутри коллективного доверия, факт наличия стратегий и мероприятий по развитию корпоративных социальных связей и соотнесения руководством организации организационного капитала с социальным. Эти переменные представляются наиболее целесообразными для выработки методики применения и управления социально-организационным капиталом.

Проведенное исследование показало, что использование социально-организационного капитала является важным фактором повышения эффективности организации, а также то, что в современных компаниях как государственных, так и частных социально-организационный капитал в понимании руководства неотделим от понятия корпоративной культуры, а использование исследуемого вида капитала происходит зачастую неосознанно и не системно. При этом в современных условиях жесточайшей борьбы за конкурентоспособность отечественных предприятий с иностранными компаниями использование всех имеющихся ресурсов и капиталов имеет зачастую решающую роль. Особую актуальность данной теме придаёт скорое вступление РФ в ВТО. На наш взгляд, основными путями использования социально-организационного капитала в организации должны быть конвертация имеющегося у сотрудников компании социального капитала в конкретные факторы улучшения деятельности организации и направленное моделирование (а где необходимо и создание) такого симбиоза организационного и социального капитала, который позволит компании опереться в своей деятельности на этот вид ресурсов. Для достижения максимального эффекта от социально-организационного капитала необходимо развитие полноценной системы поощрения возможностей развития социальных связей в коллективе и вне его, которая бы была построена таким образом, чтобы создаваемые социальные связи положительно сказывались на возможностях руководства фирмы по достижению целей организации.

Литература

1. Robert Putnam, *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York : Simon and Schuster, 2000
2. Pierre Bourdieu, "The Forms of Capital" (1983), in John Richardson, ed., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York : Greenwood Press, 1986, стр . 240-259.
3. James Coleman, "Social Capital in the Creation of Human Capital". *American Journal of Sociology*, 94, 1988, стр . 95-120;
4. Cadwallader, M.T. (1992) *Migration and Residential Mobility: Macro and Micro Approaches*. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press.

5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001, № 3. С. 124.

Нужна ли обществу социология?

Мамаева Елена Васильевна

Студентка 2 курса магистратуры

Уральский государственный университет, факультет политологии и социологии,
Екатеринбург, Россия

E-mail: lena.usu@mail.ru

Вспоминаются слова Никласа Лумана: «Мир производит физиков, чтобы иметь возможность самому себя наблюдать». Неудивительно, что физика для О. Конта была достойным подражания образцом, эталоном познания. Достижения физики в добывании надежного, достоверного, проверяемого знания не подлежат сомнению. Существует множество естественных наук, способных понять и объяснить общество. Для чего же тогда существуют социальные науки, в частности социология? Чтобы просто описать окружающую действительность? О чем говорит появление новых наук? О стремлении больше узнать о мире, поработить его или помочь развиваться? Что есть социология? Дитя философии или, может, сестра психологии... Нужна ли социология вообще, если о ее существовании многие вообще не знают? И можно ли доверять данным, которые при повторной проверке могут не подтвердиться? Социология – всего лишь беллетристика? «Книга для метро?» наравне с Д. Донцовой? Нет!

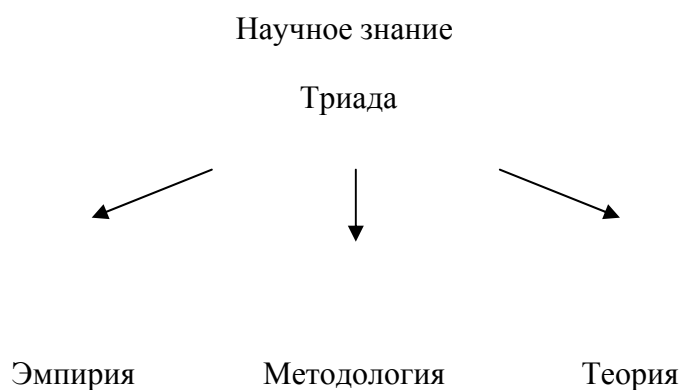
В последние годы изменились соотношение таких двух звеньев российской науки, как естественная и социогуманитарная. Сегодня эти соотношения «чуть ли не противоположны картине, наблюдавшейся лет тридцать назад, когда лишь естественные и технические науки

считались у нас «настоящей наукой», а социогуманитарные дисциплины – их не слишком полезным и выполняющим весьма сомнительные (в основном идеологические) функции «придатком»². По сведениям автора, 97 % наших новых негосударственных вузов заняты представлением услуг в сфере гуманитарного образования.

И снова вспоминаются слова Лумана, что «всякое познание есть конструкция мира в мире. Благодаря обращению к реальности (эмпирические исследования) можно решить, что истинно, а что неистинно». Может физики конструируют наши представления о мире, а социологи объясняют его сущность. Т.е. физики отвечают на вопрос «что это?», а социологи – «для чего это?».

Общество быстро развивается, поэтому для его изучения и диагностики необходима динамичная современная наука, новые теории, способные объяснить современную реальность. В западных учебниках по социологии не найти в классиках фамилию Парсонса, а у нас, в России очень любят его. Не потому ли, что больше не было создано новой, лучшей теории, поэтому за неимением лучшего варианта и старый сойдет.

Может наука – для ученых, а интересные данные – для народа. Нужна ли связь? Может нам достаточно обыденного знания об обществе? Это повседневное эмпирическое, опытное знание, не нуждающееся в серьезном обосновании. Для его обоснования вполне достаточно здравого смысла. Научное знание в силу того, что скрыто от непосредственного наблюдения и своей абстрактности не может быть ни простым, ни широко доступным.

² Юревич А.В. звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 116.

Эмпирия соотносит себя с внешним миром, теория – с внутренним. В результате исчезает единство дисциплины. Мухи отдельно, котлеты отдельно.

«И мир, данный нам в ощущениях, да и сами по себе ощущения – крайне обманчивы. Идешь себе по лесу, вроде бы твердая земля под ногами. Выходишь на симпатичную такую бархатную лужайку и вдруг... проваливаешься по пояс. Оказывается – топкое болотце. А ведь вроде бы ничего не предвещало неприятностей. И только не раз попав в такую ситуацию, научаешься обнаруживать приметы (признаки, индикаторы), которые позволяют не поддаваться очарованию таких коварных лужаек. Конечно, такое знание практично. Но оно не дает ответа на другие вопросы, касающиеся **сущности** явлений. В частности, откуда берутся болота? Почему одни болота мокрые, но не топкие, а другие таят в себе трясины? Как образуется трясины и т.п.? Ответы на такие вопросы может дать теоретическое знание, постигающее сущность явлений»³. Сила и будущее социологии в ее триединстве – теории, методологии и эмпирии. Недаром образ троицы является для нас спасающим. Отсюда и три богатыря и ... три поросенка. Может, не очень удачная параллель, но если поселить эмпирию в один домик, критику - в другой, а теорию – в третий, каменный, то все втроем в результате спасутся от волка–кризиса в каменном домике теории, самом прочном и долговечном, и только вместе.

Жизненный смысл научного изыскания может быть выражен формулой: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы практически действовать», и не только в настоящем, но и в будущем.⁴

«Нынешняя ситуация в социологии еще сложнее, нежели 111 лет назад. Сегодня и само существование общества ставится под сомнение. Эту ситуацию эмоционально, но очень аргументировано и убедительно анализирует А. Б. Гофман в своей недавней статье (Гофман А.Б. Существует ли общество? // Социс. 2005. № 5). Определение предмета социологии сегодня снова оказывается чрезвычайно актуальной (даже злободневной) задачей.⁵

Литература

1. Божков О.Б. Что изучает социология. 2006.
2. Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук : (формирование, особенности и методология социал. познания) : учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский. - Ростов н/Д: Феникс, 2005. - 315 с.
2. Юревич А.В. Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. 2003. № 12. - С. 113-125.

³ Божков О.Б. Что изучает социология? 2006. С. 42.

⁴ Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. 2005. С. 12.

⁵ Божков О.Б. Что изучает социология? 2006. С. 54.

Социокультурная глобализация России

Маркарян Джульета Ранतिकовна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: juleta02@yandex.ru

Процессы глобализации являются неоспоримым фактом, меняющим лицо современного мира. Они открывают новые перспективы, но и таят серьезные опасности.

В современном российском обществе происходят активные трансформационные процессы, которые захватывают экономическую, политическую, социальную сферы и решительно изменяют условия жизни людей. Наиболее сложен и противоречив характер глобализации в социокультурной сфере – в области науки, культуры, образования, этики, идеологии. С одной стороны, все более отчетливо проявляется глобальный характер научного прогресса, не знающего национальных границ, осуществляется обмен идеями и учеными; формируются общие контуры системы непрерывного образования, ориентированного на креативную педагогику и опирающегося на высокоэффективные информационные технологии; развивается обмен культурными ценностями; распространяется обезличенная, лишенная национального содержания массовая антикультура; размываются прежние нравственные устои, возрождается влияние мировых религий. Одновременно наблюдаются противоположные тенденции дифференциации, возрождения и обособления национальных культур, разнообразия педагогических школ и индивидуализации процесса образования, появления новых религиозных сект и течений, усиления самобытности семьи и личности.

Эти трансформации переходят и в сферу культуры, которая в последние десятилетия существенно преобразилась под влиянием ряда факторов, и не в последнюю очередь — фактора становления глобальных систем коммуникации. Телевидение, компьютер, Интернет, мобильный телефон за четверть века не только стали доступными для значительной части человечества коммуникативными средствами, но и вошли в повседневную жизнь, в повседневные социальные и культурные практики сотен миллионов людей. В итоге активно меняется и процесс социализации. Культурная социализация молодежи испытывает на себе влияние новых коммуникативных ресурсов. По мере развития глобальных систем коммуникации и их совершенствования нарастает противоречие в передаче культурного опыта между поколениями: старшее поколение меньше готово использовать возможности глобальных систем коммуникации, чем младшее, а это значит, что слабее реализует функции культурной трансляции и социального контроля.

Возникает устойчивая тенденция к глобальной унификации образа жизни: на разных концах земли люди потребляют одну и ту же пищу, носят одну и ту же одежду, слушают одну и ту же музыку, смотрят одни и те же фильмы, получают информацию из рук одних и тех же средств массовой информации. Такая глобальная унификация уничтожает национальное своеобразие, местную самобытность во всех сферах жизни.

Литература

1. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире. – М., 2004.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004
3. Добренков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. – М., 2006.
4. Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В. Телевидение и культура Происходящего // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 8. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.

«Некласовые» факторы и стратификация: классы, пол, этничность.

Новак Дарья Егоровна

аспирант

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ключевой характеристикой современной социологии являются возрастающий интерес к «неклассовым» формам социального деления и идентичности, а также концентрация на этнических и половых факторах неравенства. В настоящее время очень важным вопросом становятся взаимоотношения между полом, этничностью и классом.

И неомарксисты, и неовеберрианцы в своих концепциях пытаются расширить понятие класса, но пока без каких-либо коренных изменений традиционной стратификационной теории. Поэтому необходимо более четко определить теоретические границы для понимания социальной стратификации.

Классы являются центральным компонентом социальных отношений вопреки аргументам о том, что они потеряли свою основную динамику как источника социальных изменений. В настоящее время становится важным понять, как классы могут быть соотнесены с более широким подходом к социальной стратификации.

Понятие статуса было предложено недавно как один из путей размышления о неклассовых формах социальной иерархии/стратификации и «отношения ко всей структуре неравенства в различных его проявлениях» [3; 200]. В некоторых новых исследованиях статус относили к широкому спектру социальных отношений, включая гражданские права [4, 531]. Конечно, гражданские права содержат место для формулирования ряда условий доступа к ресурсам и их размещения, но правовые и другие смежные категории сами по себе очень зависимы от пола и расы в своей специфике. Концепция статуса не способна включить в себя весь комплекс социальных отношений, рассмотренных здесь.

Рассмотрим неклассовое деление, как относящееся к статусу. Точное определение класса совпадает по смыслу со всем, что связано с экономическим распределением и производством. Объединение классов с экономикой очень существенно и создает препятствие в рассмотрении пола и расы как способа для организации распределения и потребления ресурсов. Этот подход утверждает, что классовые процессы исключительно материальны: это касается распределения и потребления экономических ценностей, соотносимых только лишь с расположением на рынке. Но пол и этнические популяции не просто группы с характерными стилями жизни или социальным признанием: для их условий существования действия и систематические институциональные отношения фактически означают, что они входят в систему экономического распределения ресурсов. Поэтому при рассмотрении причин неравенства невозможно ориентироваться только на классовые категории. Ключ к социальной стратификации – это то, что понятия ценности, формируемые рынком, всегда связаны с социальным.

Существует возможность объединения половых и этнических делений в стратификационном анализе по схеме Бурдьё [2;118]. Бурдьё выделяет 4 типа капитала, которые входят в классовые отношения – экономический, социальный, культурный и символический, причем культурный, символический и социальный капиталы рассматриваются как аспекты класса, переводимые в экономический. Бурдьё не рассматривает пол как форму капитала, различия по полу рассматриваются как выражение

классовых групп, т.е. они служат дифференцирующим элементом классов, но не как составляющие материального положения. Раса и этничность не имеют места в классической социологической теории.

Для объединения неклассовых признаков неравенства в понимание социальной стратификации важно создать структуру для определения социальных идентичностей и делений, которая бы состояла как из центральных классификационных элементов общества, так и включала бы в себя систему распределения социальных ценностей и положения. Это требует развития концепции социального деления [1;210].

Социальные деления не являются фиксированными. Например, класс может быть описан в контексте организации и производства экономических ресурсов. Пол включает в себя половые различия и биологическую репродуктивность. Этничность - производство и воспроизводство коллективных связей, связанных с происхождением и культурными традициями.

Как показывает современная социологическая теория и эмпирические исследования, пол, этничность и классы – это социальные деления, включающие особенные отношения дифференциации и стратификации, которые по отношению друг к другу обеспечивают формирование условий жизни и жизненных шансов. Категория класса располагает индивидов в рамках рабочих отношений и системы владения и контроля над собственностью, но определение данного положения не основано только лишь на классовых и экономических процессах. Классы очень дифференцированы с позиции пересечения с полом и этничностью также как в отношении профессиональной культуры и стиля жизни. Кроме того, значительно расширено понятие материального для того, чтобы объединить различные виды ресурсов, которые входят в получение доходов (такие как культурные или экономические ресурсы, которые влияют на социальное положение).

Социальное деление по расе, полу или классу связано с результатами и материального, и символического типов. В результате классы представляют не только систему для распределения экономических ресурсов, они также включают культурный и символический аспект, которые наделяют компетенциями определенные типы человеческих личностей. Символическая ценность, связанная с данным положением, предполагает распределение индивидов или групп индивидов в определенном социальном порядке. Эти процессы работают во взаимодействии с системой производства и распределения, которые подчинены макроэкономическим процессам.

Литература

1. Anthias, F. 'Rethinking Social Divisions'. Inaugural Lecture, Greenwich University Press, 1996 – 210 p.
2. Bourdieu, P. 'What Makes a Social Class? On the Theoretical and Practical Existence of Groups'. Berkeley Journal of Sociology 1987 – 118 p.
3. Crompton, R. Class and Stratification. Cambridge: Polity, 1998 – 200 p.
4. Lockwood, D. 'Civic Integration and Class Formation'. British Journal of Sociology 1996 - 531 p.
5. Wright, O. E. Classes. London: Verso 1985 – 117 p.

Структура факторов распада молодой семьи

Ордян Марина Агасиевна

Студентка

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

vualetka@paris.com

По справедливому утверждению отца социологии Э. Конта, семья – единица общества, именно в семье формируется его будущее. Без сомнения, благополучие семьи – залог стабильности в обществе и его процветания. Но существует и обратная зависимость: серьезные трудности, переживаемые в семье, возникающие по разным причинам, косвенно, но оказывают влияние на состояние всего общества в целом. А такую трагедию как распад семьи можно назвать микрокатастрофой общества.

Любое явление имеет причину. В нашей работе мы попытаемся охарактеризовать ряд некоторых обстоятельств, в центре которых оказалась молодая семья, и которые повлекли за собой ее распад.

Среди множества факторов распада молодой семьи на наш взгляд следует выделить наиболее важные. Таким образом, нам удастся найти решение этой острой социальной проблемы и предотвратить массовый процесс разводимости, что, бесспорно, скажется на благосостоянии всего общества.

Распад молодой семьи, формирующейся (зарождающейся) ячейки общества, - проблема, одинаково волнующая мыслителей в разные времена. В нашем исследовании мы опираемся на идеи:

- Э. Гидденса, для которого наиболее важным фактором распада молодой семьи является финансовый фактор. Однако вместе с этим, он предлагает рассматривать развод с позитивной стороны, потому что, по его мнению, рост числа разводов связан не с глубоким разочарованием в браке как таковом, а с усиливающимся стремлением превратить его в полнокровный союз, приносящий удовлетворение.
- Мысль Гидденса о том, что разводы теперь уже не несут на себе позорного клейма, и это в какой-то степени стимулирует молодоженов расстаться, продолжил демограф В.М. Медков в работе «Введение в демографию»¹. Брачно-семейное законодательство - один из главных факторов, определяющих уровень распада семьи, по мнению Медкова. Так же на распад семьи, по мысли демографа, большое влияние оказывает возраст супругов и отсутствие детей. В своей работе Медков выступает против незарегистрированных или «гражданских» браков.
- Теория Ю.Васюковой, в которой главным фактором распада молодых семей выступает воспитание супругов в неблагополучных семьях.
- Теория Дж. Готтмена, в которой факторами распада молодых семей являются насилие, алкоголизм и воспитание детей в неблагополучных семьях.

Анализируя представленные работы, мы выделили наиболее важные факторы распада молодой семьи:

Экономический фактор и Рождение ребенка.

Под экономическим фактором распада молодой семьи мы подразумеваем условия организации и состояния хозяйственной жизни, а так же совокупность средств, объектов, процессов, используемых для обеспечения жизни: уровень имеющегося и предполагаемого дохода (заработная плата, ценные бумаги, акции, поступления от родителей одного или обоих супругов) и размер имеющейся и предполагаемой собственности (недвижимое и движимое имущество: жилье, машины, драгоценные металлы и т.д.).

Рождение ребенка – появление нового члена семьи.

Анализируя рассматриваемую нами проблему, мы раскрываем структуру факторов распада молодой семьи и выявляем степень их воздействия.

Используемая литература

- Энтони Гидденс, «Социология», Часть IV «Социальные институты»; глава 12 «Родство, брак и семья»; Развод: переходные формы.
- В.М. Медков, «Введение в демографию», глава 4, «Брачность и разводимость», с. 153-193.
- Ю. Васюкова, «Восхождение», «Социально-психологическое исследование молодых семей (октябрь – декабрь 2004)», <http://www.mspdm.ru/articles/18.htm>.
- ¹ Дж. Готтмен, «Причины успехов и неудач в браке», с.16 - 214

Сопоставление социологических теорий и подходов в рамках исследования субкультуры ролевиков

Орлов Дмитрий Владимирович

аспирант

Саратовский государственный технический университет, Саратов, Россия

E-mail: zxc513@yandex.ru

Современное российское общество находится в состоянии системной и структурной трансформации критериев нормы и ценностных ориентаций. За время этой неопределенности происходили процессы сегментирования отдельных групп и сообществ внутри самого общества, обладающих собственным своеобразием установок и ритуалов, обеспечивающих символическую защиту от стихийных и неконтролируемых изменений социальных, экономических, культурных и политических в жизни страны. На данном этапе развития, в нашей стране мы можем наблюдать достаточное количество культурных сегментов имеющих преимущественно молодежный состав участников: субкультуры, сообщества, неформальные объединения. Перед обществом, культурой и молодежной политикой в настоящее время стоят задачи – объединения, привлечения молодых людей к общественной жизни, возвращение им утраченного доверия к государственным институтам, культуре. Но для того чтобы эти задачи могли быть решены, прежде всего, должны быть сформулированы основные положения и теории позволяющие осознать уникальное культурное своеобразие неформальных молодежных объединений. В данной статье рассматриваются различные теоретические подходы к пониманию феномена субкультуры в контексте ее взаимодействия с культурой, на примере ролевого движения.

Применение функционалистского, критического, интерпретативного и экзистенциального подходов позволяет очертить различные аспекты рассматриваемого феномена субкультуры ролевиков. Понимание материальных и идеологических, субъективных и объективных уровней существования данной субкультуры с точки зрения внутренних и внешних практик участников ролевого сообщества, возможно при учете основных социологических теорий и их комбинирования.

Понятие культуры в социологии с точки зрения функционализма, заключено в убеждении что она «символизирует убеждения, ценности и выразительные средства (применяемые в искусстве и литературе), которые являются общими для какой-то группы. Определяя субкультуру, социологи функционалисты делают акцент на то, что субкультура является элементом культуры, но при этом отличается особым собственным характером в пределах общей культуры общества. Из чего можно заключить, что субкультуры являются производными элементами культуры, формируя необходимые степени свободы в рамках общей системы. Доминирующая культура представляет собой, по мнению Дюркгейма, функционирующий социальный организм части которого не равны целому, в этом определении отражена общая для функционалистов тенденция к представлению о целостности как имеющей особый собственный «характер».

В тоже время, культура с точки зрения Клиффорда Гирца является системой регулирующих механизмов, включающей планы, рецепты, правила, инструкции служащие цели управления поведением. Культура осмысливается приверженцами теорий макроконфликта с точки зрения того, как и какими средствами она управляет, осуществляя в таком случае господствующую или карательную функцию контроля общества. Субкультура, в таком случае, обречена становиться неподконтрольной, поскольку субкультурной является любая система норм и ценностей, которая выделяет группу из большого сообщества, следовательно и ролевика «обречены» испытывать, те затруднения, которые им несет им столкновение с силами культуры направленными на установление контроля. В таком случае конфликт неизбежен, поскольку культура, по определению призвана контролировать и управлять, а субкультура – отличаться, избегать контроля, игнорировать, тайно или открыто противодействовать культуре. Такое противостояние происходит в как сопротивление через символы, что обусловлено спецификой историей развития ролевого движения и особенностями его практик.

Руководствуясь принципом редукции, сведения духовного к материальному, мы можем рассмотреть социальные процессы в их совокупности материальных отношений, существующей в субкультуре ролевиков. Сами по себе деньги, предметы и формы потребления обладают некими специфическими характеристиками в идеологии и повседневности ролевиков, а также отчасти продиктованы историей этого традиционно неформального молодежного объединения. Материальные «блага» являясь повседневной частью ролевых игр, провоцируют отношения, требующие особого внимания и особого отношения со стороны самих ролевиков.

Понимающая социология М. Вебера утвердила ряд принципов, которые в настоящее время являются актуальными для исследования субкультур, диктуя предпочтение качественных методов количественным. Ведь понимание действия, мотивации и символического значения будет скрыто от исследователя, если он не постарается выявить и присоединиться к интерпретации существующей в рамках изучаемой субкультуры. Исследовательская работа позволит предотвратить недоразумения, возникающие по обе

стороны границы отделяющей ролевиков, устранить языковой барьер жаргона, и опасения вызываемые многозначностью ролевых практик. Безоценочное отношение к субкультурам и неформальным общественным молодежным движениям поможет избежать необоснованного статуса деликвентной молодежи и в частности дискурса исследования субкультуры ролевиков как социальной проблемы или повода для общественного беспокойства.

Литература

1. Вебер М., Основные социологические понятия. М.: Прогресс, 1990.
2. Гофман А.В., Семь лекций по социологии. М.: Мартис, 1995
3. Дюркгейм Э., Метод социологии. М.: Канон, 1995
4. Омельченко Е.Л., Молодёжные культуры и субкультуры. М: Институт социологии РАН, 2000
5. Смелзер Н., Социология М.: Феникс, 1994
6. Смелзер Н., Дж. Социология. Социологические исследования. 1990. № 12. С.131.

Стиль жизни и социальная структура общества в работах У.Л. Уорнера

Пекарская Мария Михайловна

аспирант

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

E-mail: pekar2006@mail.ru

Современные общества переживают сложные процессы трансформации социальных структур. Постоянные экономические и политические преобразования, проводимые во всех государствах, порождают распад традиционных классов и слоев, стимулируют появление

«новых» неравенств. Бедность, дискриминация, неравенство являются неотъемлемыми явлениями самых высокоразвитых обществ. Механизмы, которые преобразовывают простые различия в социальные неравенства, становятся более сложными. Повсеместно отмечаются тенденции ослабления позиции среднего класса, усиления неустойчивости положения, как представителей низших, так и высших слоев, вместе с тем, наблюдается и возрастание статуса эгалитарного слоя высококвалифицированных работников сферы high-tech. Все это вносит серьезные изменения в стили жизни представителей различных классов общества, заставляет исследователей учитывать стили-жизненные критерии социальной идентификации в стратификационной структуре.

Особое внимание влиянию стиля жизни на распределение людей в рамках стратификационной структуры общества уделял американский исследователь Уильям Ллойд Уорнер. Проведенные им стратификационные исследования в Америке подтвердили то, что профессия и имущество являются важнейшими факторами, которые определяют положение в обществе и социальное поведение людей. Но вместе с тем он отметил и ряд факторов, которые также следует обязательно принимать в расчет. За основу своей концепции социальной структуры американского общества У. Уорнер принимал поведение и установки людей, которые и формировали стиль жизни людей. Анализируя эмпирические данные конкретных исследований о классах, статусах и мобильности, У. Уорнер, несколько преуменьшая значимость экономических факторов для понимания класса, за что не раз был подвергнут критике, выводил на первый план социальный престиж и стиль жизни, на основании которых и происходило соотнесение всех людей к определенному классу.

Согласно уорнеровской концепции социальные классы можно вскрыть посредством анализа поведения и социальных установок людей либо же, что и было осуществлено самим У. Уорнером в действительности, комбинированным анализом того и другого, что, в конечном счете, давало характеристику стиля жизни человека, являющегося доминантным для представителей того или иного класса. Главным условием вертикальной восходящей мобильности является социальное признание социального статуса человека группой более высокого уровня. Для того, чтобы это произошло, человек должен иметь те же ценности и поведение, которыми характеризуется его новое окружение. Представителей одного класса объединяют одни и те же ценности и одно и то же поведение, складывается единый для всех стиль жизни. Уорнер отмечал, что, как правило, человеку его окружением приписывается тот же статус, что и его семье, поэтому продвижение индивида вверх или вниз по стратификационной лестнице признается только в том случае, если в этом движении участвует вся семья.

Теоретический анализ и рассмотрение исследований стратификационной структуры американского общества Уорнера позволяет выявить общие тенденции развития современной системы социальной стратификации в Республике Беларусь, построить сложную модель классовой структуры белорусского общества, включая в нее социокультурные факторы.

Литература

1. Герцог, Д. Классовое общество без классовых конфликтов // Социальная стратификация: Сборник / Российская академия наук. – М., 1992. - № 1.
2. Warner W.L., P.S.Lunt The social life of a modern community. – New Haven, 1941.

Благотворительные проекты современных Российских компаний

Петухова Юлия Владимировна

*Аспирантка 3-го года обучения, социологический факультет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: juos@list.ru*

В последнее время все чаще слышны призывы к бизнесу, особенно крупному, «поделиться», активнее участвовать в социальных проектах, заняться благотворительностью и меценатством. Еще пять лет назад у нас в стране даже речи не шло о прозрачности филантропии российских компаний или о стратегии их поддержки местного сообщества. А сейчас у иностранного термина "корпоративная социальная ответственность" (corporate social responsibility, CSR) появилась русская аббревиатура. Социальная ответственность бизнеса становится элементом нашей жизни. Помощь регионам, социальные программы для народа и филантропия являются неотъемлемой частью новой философии и практики предпринимательства. Сегодня российский бизнес вкладывает в благотворительность в пять раз больше, чем международные фонды в России. Могло бы быть и лучше, но как говорят многие эксперты, в нашей стране не совсем четко прописана законодательная сфера этого явления, что вызывает нежелание вести благотворительную деятельность.

...

Социальные программы внешней направленности, реализуемые различными компаниями, которые ориентированы на социально ответственное ведение бизнеса, очень многообразны. Многие из них представляют собой целевые инвестиции, которые отвечают потребностям местных сообществ и страны в целом. Общее свойство этих программ – принести пользу в решении общественно-значимых проблем.

Такие программы выгодны для бизнеса. Они связаны со стратегией его развития, являются осознанными вкладами в управление репутацией компании. Проекты приносят действенный социальный эффект и в то же время оказывают положительное влияние на основную деятельность бизнеса.

Литература

1. А.Векслер, Г. Тульчинский (2006) Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность // М.: Вершина.

2. Туркин С.В. (2003) Социальные инвестиции бизнеса: Пособие для менеджеров // М.: Русский университет.
3. Чередниченко Т. (1999) Финансисты и филантропы // Итоги №44 (179)
4. www.goldenheart.ru
5. Черненко Е.А. (2007) Ру-ка помощи // Журнал «Newsweek» №79 (133)
6. НП « Ассоциация бизнес коммуникаций» О благотворительности в России (2006) // М.

Особенности постмодернизма в произведениях Ж.-Ф. Лиотара

Поносова Елена Олеговна

Студентка

Пермский государственный технический университет, Пермь, Россия

E-mail: lp1004@yandex.ru

В настоящее время темой для острых дискуссий в литературе, философии, социологии является понятие «постмодернизм». Постмодернизм – уникальнейшее явление. Это особое мироощущение современного человека. Сформировавшись в эпоху развитых информационных технологий, постмодернизм смешивает в себе множество различных стилей, языков, приемов, взятых из разных эпох.

В постмодерне соперничают различные подходы, которые не всегда можно свести к общему знаменателю. Он несет в себе разочарование в идеалах Возрождения и Просвещения, неверие в прогресс и силу разума. Но с другой стороны выделяется отпечаток плюрализма и терпимости. И во всем этом особенность постмодерна.

Можно сказать, что постмодерн возник как отражение жизни общества конца двадцатого века. Но споры о нем ведутся до сих пор, вызывая неоднозначные оценки данного феномена, начиная от признания постмодернизма актуальной частью культуры до полного его неприятия. Многие философы, мыслители, писатели рассматривали «явление постмодерна». Это и Ж.Лакан, и М.Фуко, и Ж.Деррида, и Уильям Гибсон, и Ж.-Ф.Лиотар. Среди русских можно выделить В.Набокова, И.Бродского, В.Пелевина.

Главная идея постмодернистов заключается в описании культуры как знаковой системы, которая является вместилищем значений, которые не зависят от намерений субъекта и их связи с событиями объективной реальности. Значения рождаются в контексте отношений между знаками, составляющими структуру языка. Поэтому и ставится проблема

языка, языкового характера мышления. Ведь именно язык определяет способ мышления и жизнедеятельности субъекта – носителя этого языка.

Постмодерн подвергает критике рациональное мышление, говорит о децентрации субъекта как центра общественной жизни. На этом основании постмодернисты доказывают невозможность существования целостной, универсальной системы знания – оно может быть лишь фрагментом множества локальных культурных контекстов, которые делают его возможным и задают ему смысл. Поэтому никакое знание не может быть оценено вне контекста культуры, традиции и языка.

Значительный вклад в развитие постмодерна внес Ж-Ф. Лиотар. В своем произведении «Постмодернистское состояние» философ рассматривает основные проблемы данного времени¹. Лиотар в своих работах анализирует статус знания в век постмодернизма и его проблемы легитимации. Главная роль отводится тенденциям формализации знаний.

Лиотар вводит понятие «нарративов» – неких повествовательных структур. Он делит их на две группы :

- «легитимирующие макронарративы» – обосновывают господство существующего строя, законов, норм морали;
- «языческие микронарративы» – обыденный, повседневный язык. Они образуют целостность повседневной жизни, не затрагивают легитимные вопросы.

По мнению Лиотара, единство знания обеспечивалось за счет обращения людей к «макронарративам» – базовым идеям. С их помощью происходило и происходит повествование традиционного типа. Они обеспечивают единство знания, служат средством легитимации общества. К таким метанарративам можно отнести главные идеи человечества, идеи прогресса, идею науки как мирового счастья и др., которые так или иначе потерпели крах.

После катастроф, случившихся в двадцатом веке, смены идеологии люди утратили веру в господство разума, закона, государства. Все «метарассказы» были подвергнуты критике и разоблачению в произведениях постструктуралистов. Классические идеи утратили значение гаранта истинности и ценности.

Именно поэтому утрачивают свое значение религия, история, наука. Вместо них открываются возможности для локальных форм активности. Постмодерн осознает ограниченность форм рациональности, бесполезность установления иерархического порядка, системы приоритетов. Для постмодерна равноценны все жизненные формы.

Такие понятия, как разум, истина, свобода перестают служить всеобщим оправданием и уже не выступают основанием социальных процессов и индивидуальных поступков. Постмодернизм диктует всем новые условия существования: плюрализм, разногласия, языковые игры и толерантность, прагматизм.

Постмодернисты рассматривают развитие мира, общества в период развития средств массовой коммуникации и компьютерных технологий. Все это влияет на научное знание и изменение самой природы знания. Выявляются требования переводимости знания на машинный язык. Знания, информация становится товаром, ставкой в играх власти.

Интересно то, что произведения постмодернистов представляют собой «игровое пространство». В нем происходит свободное движение смыслов, идей.

Ж.-Ф. Лиотар, характеризуя постмодерн, тоже основывается на концепции «языковых игр». Он называет их «минимальными отношениями для существования общества». Это множество значений, которые становятся средством против распада социальных связей общества, обособления индивидов. Заимствуя приемы различных культур, систем, делая это путем повторения, пародии, постмодернисты создают особое единое мировое культурное пространство.

Складывая все перечисленное, можно сказать, что для постмодерна характерно специфическое видение мира, лишенного причинно-следственных связей, ценностных ориентиров. Идеалом постмодернистов является состояние неупорядоченности, несконструированных возможностей. Складывается тенденция, признающая, что наиболее адекватное постижение реальности доступно не естественным, точным наукам, не философии, а интуитивному, поэтическому, образному мышлению. В любом случае, можно смело сказать, что постмодернизм – необычное направление культуры, которое еще долго будет находиться в центре внимания.

Литература

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
2. Затонский Д. Постмодернизм в историческом интерьере// Вопросы литературы. М., 1996, № 3.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко - М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. - 160 с.

**Контент-анализ диссертационных исследований
по проблеме ВИЧ-инфекции и СПИДа в Российской Федерации**

Павлов Сергей Владимирович, Пушкарева Кристина Валерьевна

аспиранты

ГОУ ВПО Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова Росздрава,

Москва, Россия

E-mail: psergey-777@mail.ru, pkv79@bk.ru

Ни одна болезнь в истории человечества не привлекала к себе столь пристального внимания общественности и не стимулировала такого объема научных исследований, как ВИЧ/СПИД [1].

Целью данной работы являлся контент-анализ авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата/доктора медицинских наук по проблеме ВИЧ/СПИД в Российской Федерации за период 1990 – 2007 гг.¹.

В качестве объекта исследования были выбраны 97 диссертаций, среди которых 91 научная работа на соискание ученой степени кандидата медицинских наук и 6 – на соискание ученой степени доктора медицинских наук.

Россия до 1996 года по интенсивности эпидемического процесса ВИЧ-инфекции относилась к странам с низким уровнем развития эпидемии, что объясняет отсутствие с 1990 по 2001 гг. научных работ по данной тематике. Исключение составляет диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук В.В. Покровского (1990 год), которую по праву можно считать пионерской в данной области. Начиная с 2002 г., появляются первые диссертации по ВИЧ/СПИДу в Российской Федерации, что связано со стремительными темпами развития заболевания.

В большинстве научных работ (62,0%) рассматривались клинико-эпидемиологические особенности ВИЧ/СПИДа в России, что является необходимым для последующей разработки диагностических комплексов, методов лечения, профилактических и противоэпидемических мероприятий, направленных на противодействие распространения ВИЧ-инфекции – эти темы в свою очередь были затронуты авторами в 29,2% диссертационных исследованиях. И только лишь в 8,8% научных работ ставилась цель изучения и решения социальных, психологических, этических и правовых проблем ВИЧ-инфицированных пациентов.

Основная часть диссертаций была представлена по специальностям: «Инфекционные болезни» (40), «Эпидемиология» (28) и «Фтизиатрия» (10). Кроме того, 34 исследования проводились по двум специальностям одновременно, что позволяет говорить о применении

комплексного подхода к изучению и решению проблем связанных с ВИЧ-инфекцией и СПИДом в Российской Федерации.

Объекты исследований в диссертационных работах были представлены относительно однородными группами населения, разделенными по статусу в отношении ВИЧ-инфекции с учетом половозрастных особенностей, профессиональной деятельности и социальной стратификации.

В большинстве диссертационных работ (71,1%) таковыми выступали пациенты с установленным диагнозом ВИЧ-инфекция, большую часть из которых составляли наркоманы (22,3%) и беременные женщины (22,3%). Это продиктовано тем, что в настоящее время эпидемия ВИЧ/СПИДа в РФ сконцентрирована в среде потребителей инъекционных наркотиков и лиц, практикующих «незащищенные» половые контакты. Стремительными темпами возрастает и доля женщин среди ВИЧ-инфицированных, при этом около 90% из них находятся в детородном возрасте, что обуславливает высокий риск передачи ВИЧ-инфекции от матери к ребенку, как во время беременности, так и в родах [2].

Объектами исследований с установленным диагнозом ВИЧ-инфекция, так же являлись: осужденные (16,7%), дети (11,2%), подростки (5,5%), медицинские работники (5,5%), военнослужащие (5,5%), проститутки (5,5%) и мигранты (5,5%).

С целью изучения общественного мнения по проблеме ВИЧ/СПИДа в РФ в трети диссертационных работ (28,9%) объектами исследований выступали медицинские работники (33,4%), студенты-медики (33,4%), проститутки (16,6%) и сотрудники учреждений пенитенциарной системы (16,6%) с ВИЧ-серонегативным статусом.

Авторами диссертационных работ для изучения закономерностей клинического течения и развития эпидемиологической ситуации по ВИЧ/СПИДу в стране, как правило, использовались эпидемиологические (21,2%), статистические (21,2%), параклинические (19,5%) и клинические (15,4%) методы исследования. Социологические методы исследования применялись лишь в 14,6% научных работ, что является на наш взгляд, недостаточным.

При рассмотрении сопутствующих ВИЧ-инфекции заболеваний, авторы отмечают рост сочетанной патологии представленной в виде коинфекции. В настоящее время установлена прямая зависимость между распространением наркомании и ростом заболеваемости гемоконтактными гепатитами. Одновременно ухудшается и эпидемическая ситуация по туберкулезу, что в значительной степени связано со стремительным нарастанием пандемии ВИЧ/СПИДа.

Важнейшим эпидемиологическим показателем являются пути передачи вируса иммунодефицита. Парентеральный путь передачи, как ведущий, рассматривался в большинстве научных работ (51,1%) – это обусловлено изучением лиц, употребляющих внутривенно наркотики. Рассмотрению роли полового и трансплацентарного (вертикального) путей передачи ВИЧ-инфекции посвящено 42,5% и 6,4% работ, соответственно. Если в 1996 году для эпидемии ВИЧ-инфекции наиболее характерным являлось распространение вируса иммунодефицита через кровь при инъекционном употреблении наркотических препаратов, то

в настоящее время отмечается ежегодное увеличение числа случаев заражения ВИЧ/СПИДом в результате «незащищенных» половых контактов и случаев передачи вируса от матери к ребенку.

Таким образом, пандемия ВИЧ-инфекции и СПИДа в России, распространяющаяся стремительными темпами, являвшаяся ранее заболеванием определенных групп риска (наркоманы, гомосексуалисты, проститутки), на сегодняшний день становится угрозой для популяции в целом.

Проведенный контент-анализ позволяет сделать вывод о необходимости создания системы медико-социологического мониторинга ситуации по ВИЧ/СПИДу в России и проведения комплексного анализа медицинских, социальных, экономических, психологических, правовых и этических проблем ВИЧ/СПИДа с позиции социологии медицины, научной дисциплины, в рамках которой может быть осуществлено медико-социологическое осмысление роли ВИЧ-инфицированного пациента в современном российском обществе.

Литература

1. Волова Л.Ю. (2004) **Клинико-эпидемиологическая характеристика ВИЧ-инфекции** в условиях Крайнего Севера с учетом фактора миграции населения: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Санкт-Петербург.
2. Орлова О.А. (2006) **Эпидемиологическая характеристика вирусных инфекций у ВИЧ-инфицированных беременных и их новорожденных детей**: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Москва.
3. Покровский В.В. (1990) **Эпидемиология инфекции, вызываемой вирусом иммунодефицита человека – 1990**: Автореф. дис. ... док. мед. наук. – Москва.
4. Решетников А.В. (2003) **Медико-социологический мониторинг**: Руководство. – М.: Медицина.

Виртуальная религиозность: от граффити к частному богословию

(на примере Интернет-сообществ)

Рыйгас Елена Владимировна

Аспирантка

Социологический институт РАН, Петербург

e-mail: ryygas@rambler.ru

Драматичным примером духовных поисков в виртуальном пространстве является следующая запись:

<Ваше отношение к религии?>

<У меня сложные отношения с Богом. Я пытался найти Бога через Яндекс. Нажал "Бог" и "найти". Жуть. Увидел столько сектантов... но бога не нашел>

Антон, 21 год, Москва, 17.02.08>

[http://www.lovers.org.ua/RockGod/?1=1&afolder=self&sold=1x_LsKbhl8U_YvgRe5cUGF8w1dqC6TJn].

Не абсолютизируя примеры религиозности в Интернет-сообществе, все же следует признать исследовательскую эвристичность той «предельной разнородности религиозного материала» [Элиаде, с. 33], который содержит в себе Интернет. Хотя тактильное удостоверение объекта исследования остается проблематичным и при опросе приходится больше общаться с маской, скрытой за иконичностью «аватарки», а также ником или псевдонимом, являющимся таковым даже в случае подлинности анкетных данных, разбавляемых, согласно правилам поведения в виртуальном пространстве, различными имиджевыми сигнификациями.

В.Б. Голофаст пишет о том, что «традиционно все культуры были устроены иерархично. Электронная среда разрушает иерархические принципы, вернее, она переносит иерархию в технологическую плоскость» [Голофаст, с. 317]. Основываясь на изученном Д.С. Поповым феномене интеллигенции, как виртуализованной структуры, границы которой, не совпадая ни с одним из сообществ, определяются прежде всего ее рефлексивностью, мы берем на себя смелость перенести данную метафору «виртуализованной структуры» и на сообщество Интернет-пользователей с такими формальными структурными признаками, как самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация [Попов, сс.63-63].

К одному из идентификационных признаков Интернет-сообщества следует отнести также и своеобразный язык, представленный в виде первичных и вторичных эрратизмов [Гусейнов], условно табуированной абсцентной лексики и виртуальной версии «второго новояза» как языка сопротивления все еще актуальному «партийному мертвословью»: [Сарнов, с. 752].

Представленные в таком интернет-сообществе, как vkontakte.ru, примеры религиозной идентификации, кроме прямых ответов на вопрос «религиозные взгляды» (христианин/ христианство, православный (ая)/ православие, буддист (ка) / буддизм т.д.), представляют по своей форме весь спектр жанрового многообразия: от теодицеи до некротеистического манифеста («Бог умер»).

Статистической значимостью обладают также примеры знакового обозначения религиозной принадлежности, которые мы относим по стилю к граффити, где, выражаясь словами Ницше, состояние, внутренняя напряженность выражается «путем знаков, включая сюда и темп этих знаков, - в этом состоит смысл всякого стиля» [Ницше, 56]. Напротив каждого примера приводится статистический объем каждого примера (данные на ноябрь 2007 г.)

!	170
!!	18
!!!	103
!!!!	21
!!!!!	23
...	6257
....	1065
.....	690
.....	464
.....	395
♪	24
♪♪	2
♪♪♪	22

Религиозные взгляды, выраженные при помощи эрратизмов:

язычник	1
каталицизм	12
православие	165
сотонизм	28
христианство	1105
юдаизм	1
язычество	3

Религиозные взгляды с указанием на людей с высоким символическим капиталом:

гегель	1
гитлер	4
григорий перельман	1

есенин	1
жириновский	3
ксения собчак	2
ленин	8
ницше	3
путин	7
сталин	2
фюрер	1
ходорковский	1
цой	2
че	5

Примеры частного богословия, представленные в единичном варианте: «Бог на стороне уток», «Бог есть, но он меня не понимает», «Бог есть, по-любому», «что-то есть».

Современное российское Интернет-сообщество представляет собой все разнообразие религиозных взглядов, а также актуальность дискурса относительно Сакральной инстанции во всех ее иерофанических модусах, а также напряженность духовного поиска или, если угодно, нового выбора веры.

Литература

vkontakte.ru

Голофаст В.Б. Электронная среда, или новые пещерные люди // Социология семьи. Статьи разных лет. Алетейя. СПб., 2006

Гусейнов Г. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm

Ницше Ф. Ессе Номо. Антихрист. СПб., Азбука-Классика, 2007

Попов Д.С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России, 4-2006. Т. XV

Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., Эксмо, 2005

Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб., 2000. Т. 1

Толерантность и интолерантность:

региональный аспект проблемы

(на примере Республики Коми)

Георгий Сергеевич Рябинкин

аспирант

Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения РАН

В связи с тем, что в последнее время в российском обществе участились случаи проявления межэтнической интолерантности и ксенофобии, актуальным является разработка программы по усилению общенациональной политики и усилению гражданской солидарности. Следует отметить, что вместе с этим стоит уделить внимание и формированию прочной территориальной этнонациональной политики для усиления гражданского национального самосознания. О важности развития этого говорилось в послание Президента РФ к Федеральному Собранию в 2003 г., в котором подчеркивалась потребность в разработке и внедрении эффективной системы разрешения локальных межэтнических конфликтов. Республика Коми один из многих регионов страны, на территории которого проживают представители различных этнических групп находящихся в весьма сложных взаимоотношениях.

Исторически земля, принадлежавшая коренным жителям в XX веке начала интенсивно осваиваться из-за своих природных богатств. В связи с этим в регион потребовалось использование колоссальной трудовой силы. Первой волной миграции стали люди, попавшие в систему борьбы с идеологическими противниками режима ГУЛАГ. Вторая миграционная волна явилась позднее в форме трудовой миграции, когда в регион на освоение Севера распределялись молодые специалисты.

После падения Советского Союза тяжелый экономический кризис привел к увеличению миграции, сокращению трудоспособного населения. Тяжелый экономический кризис негативно отразился на межэтнических взаимоотношениях. Усугубило положение и борьба с терроризмом на Кавказе, представители которого проживают и трудятся в крупных промышленных городах региона, что привело к противостоянию миграционному приросту.

Межэтнические волнения привели к возникновению в регионе организаций, крайне радикального, национального взгляда, возросла активность среди «скинхедов» и подобных

им организаций. Данные организации в первое время не воспринимались в серьез. Однако в последнее время их деятельность стала проявляться все активнее. В некоторых городах стали проводиться митинги с обвинениями в сторону представителей других национальностей.

В 2005 г. ряды национал–радикалов укрепил Союз национального возрождения, который создал и возглавил писатель Юрий Екишев. Политический дебют организации состоялся 4 ноября 2005 г., когда в России праздновался новый праздник – День народного единства. В этот день члены Союза вышли на центральную площадь столицы республики под лозунгами «Русскую нефть – в русские руки», «Остановим оккупацию нашей земли». Затем был проведен еще ряд митингов, во время которых распространялись листовки с призывами «Русские, вооружайтесь», «Россия против оккупантов!» Эти листовки регулярно стали находить в своих почтовых ящиках горожане. Далее следовало заявление, что через 20 лет мигранты станут полными хозяевами страны и выдвигалось требование «ограничить иммиграцию», ввести принудительные работы для нелегальных иммигрантов, «радикально ужесточить наказания для пособников нелегалов» и следовало напоминание: «наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!» [Шабаев, 2006 б].

Подобное разделение вполне можно отнести к остаткам тоталитарному отголоску в сознании жителей региона, которая не может соответствовать современным Российским социальным отношениям. Важным на данный момент является тот факт, что подобная модель взаимоотношений является носителем потенциального риска, так как структура населения республики в ближайшее время обязана будет измениться. Коми является территорией несущей большие запасы стратегически важных ресурсов для экономики страны. Поэтому региональным властям необходимо принятие интеграционной программы регулирования миграционного прироста и способствовал развитию мультикультуризма.

Литература

Тишков В.А. 2003. Реквием по этносу: исследования по социально культурной антропологии / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука. 544 с.

Шабаев Ю.П. 2006 а. Толерантность как базовый принцип региональной этнонациональной политики//Семиозис и культура. Вып. 2. Сыктывкар.

Шабаев Ю.П. 2006 б. Националисты на марше//Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №65

Возможности информационных технологий в представлении
результатов исследований репродуктивных установок молодежи
Кузьменко Татьяна Владимировна
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы
Сазанов Ярослав Сергеевич
Студент

Историко-социологический институт Мордовского государственного университета
имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия
yaroslavihsv@mail.ru

Начало 1990-х годов в России ознаменовалось демографической катастрофой, которая на графике изображается как пересечение двух кривых: резкого возрастания смертности и столь же резкого падения рождаемости. Эта конфигурация, получившая символическое наименование «русский крест» [1, с. 47], характеризует и современные демографические тенденции в стране. Согласно статистическим данным, с 1986 по 1994 г. смертность выросла с не слишком благоприятного уровня в 10,4 ‰ до 15,7 ‰ – цифры по истине катастрофической. На июнь 2005 года смертность и вовсе составила 16,8‰. На этом фоне рождаемость с 1987 по 1993 г. сократилась с 17,2 до 9,4 ‰ (или с 2 до 1,3 ребенка на женщину). В 2004 г. превышение численности смертей над численностью

Существующие статистические данные о демографических процессах могут быть очень наглядно представлены с помощью современного программного обеспечения. Оно позволяет показать статистический материал в виде таблиц, графиков, диаграмм, гистограмм и пр. и в дальнейшем перенести его на различные виды носителей. Для работы с информацией можно использовать такие программные пакеты как Microsoft Office, Open Office pro и другие.

Подобные информационные технологии использовались при обработке и представлении результатов пилотажного исследования. В октябре 2007 года проводилось исследование по выявлению репродуктивных установок молодежи в современных условиях. Количество опрошенных составило 100 человек в возрасте от 18 до 30 лет, при этом средний возраст в целом по выборке составил 24 года. Выборка была случайной. Среди респондентов большинство составили женщины – 52 %; мужчины – 48 %, работающие респонденты составили 56 %, неработающие – 44%. В браке состоит 35 % опрошенных женского пола, не состоит 10 %, сожительствуют лишь 9 %; мужчин в браке составило 25 %, не состоящих в браке – 15 %, и сожительствовало 6 %. На вопрос о количестве детей в семье (задавался только тем, кто состоял в браке) респонденты ответили следующим образом: 60 % опрошенных имеют 1 ребенка, 34 % – 2 детей, и 1 % – 3 детей, в среднем получается 0,95 ребенка на одну семью.

Аналогично этому исследованию репродуктивных установок молодых людей было проведено и пилотажное анкетирование молодежи в октябре 2006 г. [3, с. 108 – 112]. В ходе обоих исследований выяснялись установки молодых людей относительно рождения детей в семье или в будущем. Полученные данные можно представить в виде таблицы, которая облегчает сравнительный анализ результатов сразу по двум исследованиям (см. табл.1).

Таблица 1 – Мнение молодых людей об идеальном числе детей для семьи в будущем, 2006 – 2007 гг., %

Количество детей в семье	Данные исследования 2006 г.	Данные исследования 2007 г.
1 ребенок	29,7	40
2 ребенка	62,2	50
3 ребенка и более	8,1	10

Анализ таблицы показывает, что сократилось число желающих завести более 2 – 3 детей в своей семье в будущем. Большинство опрошенных имеют или хотят иметь только одного ребенка. На вопрос об оптимальном числе детей в многодетной семье, 90 % опрошенных в 2007 г. ответило, что достаточно и 3 детей, 5 % – что 4, и оставшиеся 5 % молодых людей заявили о 5 детей в семье. По вопросу об оптимальном доходе для рождения ребенка показал, что треть респондентов устраивает доход 7-15 тыс. руб. на одного человека, половина опрошенных считает, что доход на одного человека должен составлять не менее 15-30 тыс. руб., оставшаяся часть хотела бы видеть доход в 30-50 тыс. руб. По поводу размеров жилой площади, необходимой для рождения ребенка, 10 % опрошенных женщин ответило, что их устроило бы жилье с двумя комнатами, 80 % - 3-х комнатная квартира, 10 % – 4-х комнатная квартира.

О перечне внешних условий, способствующих рождению ребенка, мнения опрошенных разделились, результаты ответов для большей наглядности показаны в виде диаграммы (рис. 1).

По вопросу о том, кто должен нести ответственность за создание Указанных внешних факторов (условий), способствующих рождению ребенка более половины опрошенных респондентов ответили, что сам человек, остальные отметили, что родственники, государство и

социальные службы.

В ходе опроса 2007 г. среди молодых людей были выявлены социально-психологические факторы, которые стимулируют желание родить ребенка. Среди данных внутренних факторов 90 % женщин и 100% мужчин выделили любовь к ребенку, 10 % – любовь к мужу, к жене; 32 % мужчин считают, что необходимо также бесконфликтное отношение с партнером, 10 % – устойчивость собственной психики.

Таким образом, в ходе исследования были получена информация, которая показывает, что действительно влияет на формирование репродуктивных установок. Еще один важный момент, влияющий на данные установки, это наличие достойной жилой площади, исходя из количества членов семьи. Исследования показывают, что жилье должно иметь 2–4 комнаты, среднедушевой доход на одного человека в семье, который, по мнению респондентов, должен составлять 10–30 тысяч рублей. Любовь к ребенку, к своему партнеру, бесконфликтное отношение между ними и многое другое также необходимы для улучшения репродуктивных установок среди молодых людей.

Данные проведенных исследований показаны в виде разнообразных таблиц, графиков и диаграмм. Они наглядным образом предоставляют возможность оценить результаты анкетирования, выделить наиболее важные факторы, влияющие на репродуктивные установки у различных категорий молодежи.

Список использованных источников:

1 Римашевская, Н.М. «Русский крест» / Н. М. Римашевская // Природа, 1999. – № 6.- с.

2 Госкомстат РФ. Информация о социально-экономическом положении России / М., – 2005.- с.15

3 Кузьменко, Т.В. Репродуктивные установки молодежи в условиях реформирования материальной поддержки материнства и детства / Т.В. Кузьменко, Ю.Н. Жогина // Семья в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ф.А. Мустаевой. – Магнитог. гос. ун-т, 2007. – С. 108 – 112.

Основные факторы формирования концепции социально-ответственной реорганизации предприятий (СОРП)

Сахранова Ксения Леонидовна¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аспирант кафедры теории и истории социологии

sakhranova@yandex.ru

Социально-ответственная реорганизация предприятий (СОРП) – динамично развивающееся направление социальной практики, находящееся на пересечении бизнеса, права, политики, социальной работы, коммуникативных технологий.

Социологические аспекты СОРП связаны с выявлением объективных причин и факторов, динамики и перспектив развития этой социальной практики; исследованием процессов ее институционализации; социальных последствий реализации СОРП в конкретном социуме с учетом его социально-политических, социально-экономических, социально-психологических, социокультурных особенностей; оценкой эффективности мероприятий СОРП.

Активное формирование идеологии СОРП, накопление суммы технологий, обеспечивающей реализацию конкретных проектов и программ СОРП, процессы институционализации СОРП весьма характерны для современного этапа развития индустриально развитых стран. В основе этих явлений лежит ряд объективных факторов, среди которых выделяются факторы глобального уровня, проявляющиеся во всех развитых странах современного мира, состояние которых характеризуется понятием «постиндустриальное общество».

К числу указанных факторов относятся такие явления современного общества, как рост глобализации; укрупнение бизнеса и превращение его в мощный институт социального влияния, сопоставимый с государством; ускорение трансформационных процессов в сфере бизнеса; развитие общества потребления с характерной для него ориентацией производства на конечного потребителя; распространенность в обществе социальных настроений и

ожиданий, связанных с идеями социального государства и общества благосостояния (Welfare state), общее повышение значимости субъективных факторов во всех сферах жизни общества, и, как результат проявления всех перечисленных факторов, повышение социальной ответственности бизнеса; развитие информационного общества, распространение информационных технологий.

В условиях глобализации укрупнение бизнеса (в том числе путем слияний и поглощений) становится одной из доминирующих экономических тенденцией. При этом к общепризнанным проявлениям глобализации в сфере бизнеса относится возникновение крупных, как правил, транснациональных бизнес-структур, которые по своему социальному влиянию начинают соперничать с традиционными институтами государственной власти и управления.

Концентрация производства в эпоху глобализации служит одним из основных факторов повышения социальных рисков, которым подвержено как общество в целом, так и жизнь, благосостояние отдельного человека, семьи.

В то же время уровень субъективных притязаний индивидов в индустриально развитых странах высок как никогда ранее. В их основе лежат ценности общества потребления и идеология государства всеобщего благосостояния. Эти высокие социальные ожидания вступают в противоречие с усложнившимися условиями жизни, что особенно резко проявляется в условиях реструктуризации предприятий.

Между тем современное государство может взять на себя лишь минимальный набор социальных гарантий. Поэтому последнее слово остается за представителями частного бизнеса.

На этих объективных фактах базируется концепция социально ответственного бизнеса.

Важную роль в процессе реорганизации предприятий в условиях информационного общества играет поддержание конструктивного диалога между бизнесом, обществом и государством. В ходе этого диалога складывается специфическая коммуникативная ситуация, особенности которой определяются целым рядом факторов, в том числе возможным наличием антагонизма интересов сторон, демографическими и групповыми характеристиками участников этого диалога, стереотипами социального восприятия, особенностями используемых коммуникативных каналов и др.

Таковы основные факторы формирования концепции социально ответственной реорганизации предприятий в условиях современного общества.

Литература

1. Антошина А.В. «Новый протекционизм» в условиях глобализации мировой экономики. Дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002.
2. Социальная ответственность бизнеса в условиях современной России: теория и практика: Материалы заседания «круглого стола» / Под общ.ред. В.С. Комаровского, Н.А.

Волгина. М.: Изд-во РАГС, 2005.

3. Levitt Th Globalization of Markets // Harvard Business Review 1983 Vol 61 May-June.

Студенческая субкультура: к постановке проблемы.

Сотников Иван Михайлович

Аспирант

Ставропольский государственный университет, кафедра политологии и социологии,
г.Ставрополь, Россия

graf555@rambler.ru

Субкультура – это культура групп людей, объединенных специфическими интересами, определяющими их мировоззрение и модели поведения. Автор популярного на Западе и в России учебника «Социология» Нейл Смелзер определяет субкультуру как систему норм и ценностей, отличающую группу от большинства общества. [1; 427-430] Основанием субкультуры могут быть: стиль музыки, образ жизни, общие виды деятельности, определенные политические взгляды.

Из всех социально - демографических групп феномен субкультурности больше всего присущ молодежи.

Одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским: «Молодежь - поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет». [2;97] Позднее более полное определение было дано И. С. Коном: «Молодежь - социально - демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации». [3;158]

Сегодня ученые определяют молодежь как социально-демографическую группу общества, выделяемую на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе

Особенности молодежного возраста и социального положения молодых людей предопределяют склонность к альтернативным способам, формам, стилям жизни, социальному экспериментированию. Именно эти факторы инициируют формирование целого спектра довольно автономных субкультурных образований, связанных по тем или иным основаниям с жизнедеятельностью молодежи.

С этих позиций особый интерес представляет студенческая субкультура. Студенчество – самостоятельная, социокультурная общность, которая функционирует в системе высшего образования и «выступает в качестве объекта производства, предметом которого является не вещь, а личность» (Б.Г. Рубин, Ю.С. Колесников).[4; 40-41] Главной функцией этого производства является образовательная деятельность.

Таким образом, студенчество – это специфическая социокультурная группа, обладающая определенной спецификой поведения, ценностными ориентациями, моделями поведения, обусловленными получением высшего образования.

Система образования, охватывает в основном молодежь, оказывается питомником специфической субкультуры высшей школы, органичной частью и системообразующей ценностью которой стал непрерывный процесс обновления интеллекта. Можно говорить о наличии различных субкультур в среде самого студенчества. Наиболее значимыми являются субкультуры образовательной деятельности студентов.

Мартин Троу, например, выделяет четыре субкультуры:

«Коллегиалы» - любят устраивать вечеринки и заниматься спортом; книги; хорошие оценки имеют для них лишь второстепенное значение.

«Профессионалы» - стараются хорошо учиться, но их мало волнует «академическая» деятельность профессоров, ведь она не повлияет на карьеру студентов в будущем.

«Академики» - увлечены учебой от души, а не ради выгоды; в дальнейшем они часто учатся в аспирантуре и становятся преподавателями.

«Нонконформисты» - или представители так называемой богемы, не придают важного значения ни научным, ни профессиональным интересам; они предпочитают вести особый образ жизни и с презрением относятся к господствующим ценностям «обывательского» общества. [1; 446-447]

В отечественной литературе данная проблема рассматривалась через характеристики типов личности студентов

Ростовские социологи Рубин Б. Г. и Колесников Ю. С. выделяют три основных типа личности студентов по критерию стиля их деятельности и поведения в сфере обучения и познания.

По их мнению, для первого тип личности студентов характерным является деятельность, которая отличается широким подходом к целям и задачам обучения в вузе.

Интересы студентов сосредотачиваются на области знаний более широкой, чем предусмотрено программой, социальная активность студентов проявляется во всем многообразии форм жизни вуза. Этот тип деятельности ориентирован на широкую специализацию, на разностороннюю профессиональную подготовку.

Второй тип личности студентов характеризуется ориентацией на узкую специализацию. Здесь познавательная деятельность студентов также выходит за рамки учебной, однако если первому типу поведения присуще преодоление рамок программы, так сказать, вширь, то в данном случае этот выход осуществляется вглубь. Система духовных запросов студентов сужена рамками «околопрофессиональных интересов».

Третий тип познавательной деятельности, определяющий соответствующий тип личности студентов, предполагает усвоение знаний и приобретение навыков лишь в границах учебной программы. Этот тип деятельности наименее творческий, наименее активный.[4; 107-108]

На наш взгляд, приведенные выше типологии не отражают многообразия моделей поведения современного российского студента, т.к. акцент делается на количественных характеристиках. Требуется анализ, прежде всего, содержательного аспекта студенческой субкультуры.

Список литературы:

1. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
2. Социология молодежи. Под ред. В. Т. Лисовского. СПбГУ., 1996, с 97
3. Кон И.С. Социология молодежи. В кн.: Краткий словарь по социологии М., 1988., с.158
4. Рубин Б., Колесников Ю. Студент глазами социолога. Ростов на Дону, 1968.

Добровольчество в современном российском обществе: опыт социологического исследования в Твери

Спитченко Юлия Викторовна

Студентка

Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия

E-mail: s.ulchik@mail.ru

Добровольчество – это общественное движение, смыслом которого является вовлечение как можно большего числа людей в добровольную деятельность по изменению

различных сторон общественной жизни к лучшему. Подобная деятельность призвана способствовать решению острых социальных проблем. В современном социуме добровольцами (волонтерами) становятся люди разных возрастов и профессий, представители различных слоев общества, готовые бескорыстно отдать часть своих сил, времени, знаний на благо других людей и общества в целом. Благодаря добровольчеству укрепляются общечеловеческие ценности, появляется возможность реализации людьми своих прав, повышается ответственность членов общества за свои поступки. Одновременно участники добровольческого движения устанавливают новые межличностные связи, которые способствуют поддержанию социальной стабильности. В этих условиях у людей возникает желание объединяться для решения не только индивидуальных, но и глобальных проблем современности.

Развитие добровольчества на Западе и в России привлекло к данному общественному движению внимание исследователей. Например, в статье Л.А. Кудринской «Добровольческий труд: сущность, функции, специфика» анализируется сущность добровольчества и его специфика в России. Е.Л. Шекова в работе «Труд добровольцев в сфере культуры США и России» исследовала виды стимулирования труда волонтеров. Немало публикаций посвящены рассмотрению современного состояния проблемы добровольчества и благотворительности. Обычно выделяются следующие причины участия людей в работе добровольческих организаций: личная, коллективная, общественная, материальная, моральная. К основным принципам добровольческого движения относят добровольность, безвозмездность, ответственность, законность, уважение, солидарность, равенство, самосовершенствование, нравственность, социальную и личную значимость (www.akunam.ru). Функции добровольческого труда разделяют на две категории: 1.общие: социально-формирующая и развивающая функция; антиэнтропийная; интегрирующая; социализирующая; 2.специфические функции: формирование и развитие гражданского общества, трансляция гражданских социетальных ценностей, традиций; уменьшение социальной энтропии в обществе; гражданская социализация отдельного индивида; интеграция общества через ассоциации граждан, создание социального капитала; кооперация усилий для защиты прав и интересов индивидов; самоуправление и коллективное решение самых разных проблем сообщества на основе социальных инноваций; поддержка незащищенных групп, их социальная адаптация; свободное самовыражение и социальное творчество людей (Кудринская, 2006). Добровольческая деятельность чаще всего охватывает такие сферы жизнедеятельности человека, как здравоохранение, экология, социальная адаптация слабо защищенных слоев населения, развитие общественной активности, культурное просвещение (Шекова, 2002). В западных странах добровольческая деятельность давно уже стала массовым явлением. В России пока еще происходит формирование культуры добровольчества, только разворачивается активная деятельность волонтерских организаций, при этом большое значение имеет освоение зарубежного опыта. Для России наиболее актуальны следующие проблемы добровольчества: развитие законодательной базы для деятельности третьего сектора; доступ НКО к средствам массовой информации; демократизация СМИ и усвоение ими гражданских ценностей; создание механизмов ресурсной поддержки организаций гражданского общества со стороны государства, рыночного сектора и граждан; развитие государственной системы образования, способной осуществлять гражданскую социализацию новых поколений россиян; консолидация усилий всех социальных акторов для развития гражданского общества (Кудринская, 2006).

Стремительное развитие добровольческого движения в России придает особую актуальность социологическим исследованиям данного феномена. В мае 2007 года в Твери было проведено прикладное социологическое исследование «Развитие добровольчества в Твери» с использованием метода анкетного опроса. В ходе пилотажного исследования было опрошено 100 горожан, представляющих основные половозрастные группы населения. В

ходе исследования было выявлено, что степень информированности жителей г. Твери о деятельности добровольческих организаций в регионе и городе очень высокая – 90%, что позволяет говорить о значительном интересе населения к добровольческому движению. Большинство респондентов дали положительную оценку деятельности добровольческих организаций, указали на ее социальную значимость. Горожане назвали следующие функции добровольчества: социальная адаптация слабо защищенных слоев населения (31%), организация культурных массовых мероприятий (19%), морально-психологическая поддержка нуждающихся людей (19%). Однако, несмотря на то, что практически все респонденты отметили высокую значимость и актуальность деятельности добровольческих организаций, практически никто из опрошенных (91%) сам лично не принимал участие в добровольческих акциях, что свидетельствует о слабой вовлеченности жителей Твери в общественную деятельность. По мнению горожан, доброволец – это отзывчивый, бескорыстный человек, желающий реализовать свои творческие способности. Участие людей в добровольческих движениях, по мнению опрошенных, мотивированно рядом факторов: самовыражение, самореализация личности (39%); сочувствие, обусловленное моральными принципами (36%); потребность в общении (22%). Лишь 2% респондентов в качестве мотивации участия людей в добровольческих движениях отметили перспективу получения материального вознаграждения, что подчеркивает бескорыстность деятельности волонтеров. Среди широкого многообразия проблем в современном обществе с точки зрения приложения добровольческого труда жители Твери выделили следующие: оказание помощи нуждающимся людям (38%); организацию массовых общественных мероприятий (36%); психологическую поддержку (29%); культурное просвещение (19%). Респонденты выделили также группы населения, испытывающие наибольшую потребность в помощи со стороны волонтеров, среди них: пенсионеры (36%); инвалиды (37%); люди с тяжелыми заболеваниями (26%).

Таким образом, добровольческое движение приобретает все большее распространение в России, население позитивно оценивает проявления добровольческого труда, сформировался положительный имидж подобных общественных организаций. В тоже время добровольчество пока еще не стало массовым явлением, поддерживая добровольцев, большая часть населения не спешит вступать в их ряды. Необходима активная пропаганда значимости добровольческого труда в СМИ, образовательных учреждениях, произведениях литературы и искусства.

Литература

1. Кудринская Л.А.(2006) Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования, №5.
2. Шекова Е.Л.(2002.) Труд добровольцев в сфере культуры США и России// Социологические исследования, №3,
3. www.akunam.ru (Основные принципы добровольческого движения)

Молодежный политический экстремизм в России

Суворова Наталья Андреевна

студент

Тюменский государственный университет

Международный Институт Финансов Управления и Бизнеса, Тюмень, Россия

E-mail: Suvorova86@bk.ru

Политический экстремизм это достаточно многоликое явление. В самом общем виде под ним понимается совокупность противоправных, насильственных или призывающих к насилию действий, совершаемых с политическими целями. Попадающие сюда хулиганские акции, акты вандализма, различного рода насилия, связанного не редко с убийствами, объединяет некая идеологическая схема, которую нельзя, вероятно, сводить лишь к ксенофобии и религиозной нетерпимости. Как представляется, за многоликостью скрывается такая форма правосознания, которую можно охарактеризовать как «свободу права» (В. Бивихин), близкую к вульгарному «кулачному праву». И у нее есть свои социальные корни, в силу чего экстремизм чаще всего является современниками в лице молодежи.

Нет оснований исключать студенчество из группы риска заражения экстремизмом. Ссылки как правило, на скинхедов, далеких от какой-либо образовательной практики, малоубедительны. Так по некоторым социологическим данным, в ряд сторонников национал-большевистской партии Э. Лимонова весьма заметна доля студентов. Именно идейность для них выступает на первый план. Для экстремистов вообще процесс идеологического обоснования политической борьбы не менее важен, чем не посредственные политические провокации.

Затянувшийся системный кризис неблагоприятным образом сказывается на повседневной жизни молодых людей, внося в нее элементы непредсказуемости и не стабильности, ощущения риска, фрустрации, депривации в процессе социальной адаптации.

Молодежь живет в обществе, в котором сохраняется атмосфера враждебности и социальной напряженности, усиливаются социальные конфликты на этнической и религиозной почве. В этих условиях обретение идентичности нередко сопровождается искаженными образами «свой-чужой», и субъективность молодежи реализуется в альтернативных социально одобряемому поведению социальных практик.

Молодежный политический экстремизм как вид идеологии и комплекс политических установок проник в часть социальных страт молодежного общества, в частности в сферу учащейся, студенческой молодежи, в определенной мере продолжая традиции

революционного российского студенчества XIX-XX вв. и леворадикального движения западного студенчества середины XX в.

Подавляющее большинство преступлений террористической направленности совершается организованными группами, в основном молодыми людьми в возрасте до 30 лет. Число преступлений террористической направленности по расследованным уголовным делам увеличилось на 260%.

Как свидетельствуют исследования ВЦИОМ, проведенные в 2000-е гг., на фоне снижения в России общественного иммунитета к национализму в целом расширяются уровень поддержки среди молодежи откровенно шовинистических партий и движений, латентное присутствие в молодежной среде откровенно ксенофобских, националистических представлений.

Этнический негативизм в отношении других народов, агрессивность и нетерпимость к представителям национальных диаспор, враждебность испытывают в большей степени молодые люди и представители старших поколений. Социологи многократно фиксировали рост численности молодежных группировок ультранационалистического, профашистского экстремистского политического толка, возврат к «исторической норме» радикализма в России.

Даже несложный анализ генезиса политического экстремизма приводит нас к достаточно простому выводу: в основе возникновения политически мотивированного насилия вообще и экстремизма в частности всегда лежит противоречие, столкновение интересов социальной и политической сфере. Масштабы такого противостояния интересов могут быть самыми различными: начиная с патологического противопоставления собственному «я» всему обществу или даже человечеству со стороны отдельных индивидуумов и заканчивая жестким противоборством целых государственных систем.

Литература

1. Бивихин В.В. Введение в философию права. – М., 2005.
2. Грачев А. Политический экстремизм. – М., 1986.
3. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001.
4. Петров А.А. Социальные практики молодежи: механизмы структурирования идентичности// Вестник Московского государственного университета. Сер. 18.- 2006. - № 3.
5. Зорькая Н., Дюк Н. Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. – 2003. - № 1; Социология молодежи / Под ред. В.Н. Кузнецова. – М., 2005.

Социокультурные условия формирования научных школ: к определению понятия

Телегина Ксения Альбертовна

магистрант

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail:kseniatelegina@mail.ru

В работе «Социокультурная динамика и эволюционизм», обобщая результаты целого ряда социологических исследований, П. А. Сорокин приходит к выводу о том, что основные факторы любых социальных изменений «находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют» [1; с.386]. С этих позиций я рассматриваю такой социокультурный феномен как научная школа, возникновение которого является в том числе индикатором социальных изменений, происходящих в обществе его породившем.

Познанию сущности этих изменений с необходимостью предшествует анализ тех социокультурных условий, которые позволили в конкретном обществе, в конкретный исторический момент возникнуть конкретной научной школе, и тех социокультурных условий, которые препятствовали ее возникновению в предшествующий временной отрезок. Первостепенной задачей здесь является определение самого понятия «социокультурные условия формирования научных школ», решение которой и ставит своей целью данная работа.

П. А. Сорокин под «социокультурным» понимал все то, что «люди получают от других людей благодаря непрекращающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей» (курсив Т. К.) [2; с.158]. В качестве «надорганических ценностей» в данном случае понимаются все производные сознания человека (язык, наука и философия, религия, искусство, право, этика, нравы, манеры, технические изобретения и т.п.). Базовым положением теории П. А. Сорокина является то, что надорганика, то есть собственно социальное, «находится исключительно в сфере взаимодействующих людей и продуктов их взаимодействия» [2; с.158]. Таким образом, П. А. Сорокин выделяет «социокультурность» как базовую категорию мира надорганики (социального мира), подразумевающую неразрывность триады личности, ее взаимодействий с себе подобными и культуры. Словами Ф. Тенбрука, социокультурное представляет из себя культуру и общество, находящиеся в отношениях «бесшовного соединения» [3; с 69].

Сегодня термин «социокультурное» прочно вошел в обиход социологов и ученых смежных дисциплин, в особенности благодаря работам А. С. Ахиезера, Н. И. Лапина, Л. Г. Ионина, Н. И. Черныш, Л. Г. Сокурской. В качестве базового определения использую понимание категории «социокультурное» как «такого взаимодействия между индивидами (или группами индивидов) во всех сферах их жизнедеятельности, которое предполагает соизмеримость, единство тех или иных культурных феноменов (прежде всего норм и ценностей), интернализованных этими индивидами (или группами индивидов), и определенных общественных, социальных конструкторов (структур), в которых эти культурные феномены (смысловые конструкции) проявляются» [4; с.40].

Понятие **«социокультурные условия»** в отношении формирования каких-либо социальных феноменов употребляется достаточно часто, однако отсутствует четкая дефиниция того, что понимать под такими условиями. А. С. Ахиезер использует в своих работах близкое к «социокультурным условиям» понятие «социокультурная среда» – внешняя по отношению к индивиду реальность. «Социокультурная среда характеризуется прежде всего уровнем творческого потенциала окружающих субъекта людей, уровнем их рефлексии, например, уровнем, масштабом частной инициативы, сложившимся шагом новизны, мощностью, потоком и характером инноваций, содержанием господствующих ценностей, нравственного идеала и т.д. Социокультурная среда – предмет озабоченности и одновременно исходный пункт деятельности людей» [5; с.487-488].

Итак, я определяю **«социокультурные условия формирования научных школ»** как совокупность обстоятельств, находящихся на пересечении социальной структуры общества и его культурной ткани, проявляющихся через ментальные образы и поведение социальных акторов, конструирующих новые научные сообщества.

Обращаясь к исследованию социокультурных условий формирования научной школы, мы должны выяснить основные исторические, социальные, культурные, политические, экономические и духовные основания, которые подготовили почву для возникновения такого научного образования. Исходя из вышеизложенной логики, уже при первом обращении к истории формирования какой-либо научной школы, наше внимание обращается к таким факторам как:

- политико-идеологические установки в обществе;
- готовность институциональной структуры науки к новому структурному подразделению;
- наличие необходимой информационно-технической базы;
- заинтересованность и готовность научного сообщества включиться в инновационную деятельность.

Таким образом, методом более точного изучения социокультурных факторов, о чем говорит и П. А. Сорокин, является их разложение на множество более простых и определенных «независимых переменных» и анализ их причинных связей с рядом более частных «зависимых социокультурных переменных» [1; с.387]. Под независимыми переменными будем понимать конкретно-исторические особенности развития того или иного общества; неспрогнозированные изменения, которые происходят в самых различных социальных сферах, включая научную. То есть, говоря о социокультурных условиях формирования научной школы, мы должны вычленить независимые социокультурные условия, которые определяют возможность (или невозможность) ее зарождения.

Литература

1. Сорокин П. А. (1996) Социокультурная динамика и эволюционизм / Американская социологическая мысль. М.: МУБП.

2. Сорокин П. А. (1992) Структурная социология / Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Под. ред. А. Ю. Согомонова, М.: Политиздат.
3. Ионин Л. Г. (2004) Социология культуры: учеб. пособие для вузов. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ.
4. Сокурная Л. Г. (2006) Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина.
5. Ахиезер А. С. (1998) Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Том II Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф.

В чем смысл тезиса Э.Дюркгейма «Социальные факты – это вещи»

Усач Ольга Сергеевна

студент

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: nouaba@yandex.ru

Социальный факт является базой общественной науки вообще и основой социологического исследования. Основу учения о социальном факте заложил французский ученый Эмиль Дюркгейм. Категория социального факта становится центральной в концептуальной системе ученого. Понятие социального факта ученый принимает за исходную единицу социологического анализа.

Ответу на вопрос «Что такое социальный факт?» посвящена первая глава труда Э.Дюркгейма «Социология. Ее предмет, метод, предназначение». Говоря об определении социального факта, Э.Дюркгейм отмечает ошибочность обозначения социальных фактов, как совокупности всех происходящих в обществе явлений и представляющих какой-либо общий социальный интерес. В этом случае можно говорить, что все события имеют какой-либо социальный интерес. «Каждый индивид пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно. Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего собственного предмета и ее область слилась бы с областью биологии и психологии. [2]»

Однако, в обществе существует ряд событий, которые отличаются от явлений, изучаемых естественными науками. Каждый член общества выполняет действия и исполняет обязательства, предусмотренные правом и обычаями. Несмотря на то, что индивид может соглашаться с ними, их реальность остается все таки объективной, независимой от его воли и сознания. «Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, орудия кредита, служащие мне в моих коммерческих сношениях, обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т. д.— все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. [2]» Таким

образом, эти способы мышления и деятельности обладают тем свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний.

Эти действия отличаются еще и тем, что они оказывают на индивида принудительное воздействие. Если индивид согласен с обычаями и законами, установленными в обществе, то это воздействие не ощутимо. Но в противоположном случае, если индивид пытается нарушить нормы, они реагируют против него, препятствуя действию, если еще есть время, или уничтожают и восстанавливают его в его нормальной форме, если действие уже совершено.

Социальный факт порождается объединенными действиями индивидов, но качественно отличается по своей природе от того, что происходит на уровне индивидуальных сознаний потому что у него другое основание другой субстрат – коллективное сознание. Для того чтобы возник социальный факт, указывает Э.Дюркгейм, необходимо, чтобы, по крайней мере, несколько индивидов объединили свои действия и чтобы эта комбинация породила какой – то новый результат. А поскольку этот синтез происходит вне сознания действующих индивидов (так как он образуется из взаимодействия множества сознаний), то он неизменно имеет следствием закрепление, установление вне индивидуальных сознаний каких-либо образцов поведения, способов действий, ценностей и т.д., которые существуют объективно.

Однако, не стоит считать, что социальные факты всегда состоят из уже установленных верований и обычаев и могут существовать лишь там, где есть определенная организация. Существуют другие факты, которые, не представляя собой таких кристаллизованных форм, обладают той же объективностью и тем же влиянием на индивида. Это так называемые социальные течения. Возникающие различные общественные движения не формируются в сознании какого-либо отдельного индивида, однако, обладая свойством принуждения, они способны увлечь за собой, вопреки воле самого индивида. Это давление может не ощущаться до тех пор, пока член какого-либо движения остается увлечен этой деятельностью, но оно проявится сразу, как только индивид попытается противостоять движению. «Таким образом, мы являемся жертвами иллюзии, заставляющей нас верить в то, что мы сами создали то, что навязано нам извне. [2]» Зачастую, индивиды оказываются вовлечены в деятельность какого-либо движения, сами того не осознавая. Даже если они поддерживали и одобряли позиции группы, то «...когда собрание разойдется, когда эти социальные влияния перестанут действовать на нас и мы останемся наедине с собой, то чувства, пережитые нами, покажутся нам чем-то чуждым, в чем мы сами себя не узнаем. [2]»

Таким образом, характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию каждого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их ошибочно смешивали с тем, что может быть названо их индивидуальными воплощениями. К социальным фактам принадлежат верования, стремления, обычаи группы, взятой коллективно.

В концепции Э.Дюркгейма выражена довольно простая мысль: общество представляет собой объективный факт, некую данность, навязанную людям, обладающую реальной возможностью и силой воспроизводить себя вне и независимо от конкретных сиюминутных изъявлений их индивидуальной воли. Социальный факт живет своей «не вполне человеческой» жизнью в согласии со своими «не вполне человеческими» законами. В социологии Дюркгейма общество наделяется чертами над- или сверхиндивидуальной реальности. В своей назойливой фактичности общество мало чем отличается от природы – оно есть, оно существует вне нас, и мы не в силах противостоять ему в своем повседневном поведении и мыслях. Оно постоянно, ежеминутно и ежесекундно, давит на нас. В большинстве случаев «нормальные», социализированные индивиды просто не замечают этого давления, однако учитывая это основание не стоит сомневаться в самом его существовании [1].

Социальный факт - это понятие, связанное с объективным существованием мира, отражающее результат взаимодействия индивидов, социальных групп, общностей, классов и других социальных образований. Социальным фактом является единичное, общественно значимое событие или совокупность однородных событий, типичных для той или иной сферы социальной жизни или характерных для определенных социальных процессов [3]. Социальные факты оказывают непосредственное влияние на индивида на протяжении всей жизни. Они регулируют его поведение, поощряют за подчинение себе и наказывают за неприятие. Человек рождается – общество с установленными в нем социальными фактами уже существует, человек умирает – общество остается. Общество сильнее индивида, логика и механизмы его жизнеутверждения заключены в нем самом, а не в единицах, его составляющих. Если социальные факты являются настоящими фактами, т.е. если они рассматриваются как существующие вне индивидуального сознания, то это означает, что они могут исследоваться также, как и явления природы, как некие данные нам в наблюдениях эмпирические объекты.

Список литературы:

1. Батыгин Г.С. История социологии: [учебник]/ Г.С.Батыгин, Д.Г.Подвойский; Федер. Агентство по образованию, Нац. Фонд подгот. Кадров – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – 368 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение/ Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б.Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
3. Лапин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе: учеб.пособие/Н.И.Лапин. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004. – 383 с.

Особенности социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений

Ханбекова Альбина Эдуардовна

Введение

Проблема социальной адаптации детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации – одна из актуальных проблем, стоящих перед обществом.

Выстраивание работы по социальной реабилитации, адаптации и интеграции беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних включает выявление таких детей и подростков, их устройство в специализированные учреждения для несовершеннолетних (приюты, социально-реабилитационные центры, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей), организацию мероприятий, направленных на приспособление каждого временного этапа жизни ребенка к условиям реальной действительности. В таких учреждениях ребенок впервые встречается с социально благополучной средой, которая предоставляет возможность несовершеннолетнему самому приобрести опыт, необходимый для адаптации к окружающему миру, при этом данная среда является достаточно защищенной от негативных влияний.

Работа с безнадзорными и беспризорными несовершеннолетними в специализированных учреждениях начинается с адаптации их к жизни в самом учреждении, которая является одной из ступенек адаптации в обществе. От успешности процесса социальной адаптации зависит дальнейшая судьба ребенка: вернется ли он на улицу, совершит ли противоправные действия, будет ли вести асоциальный образ жизни.

Несмотря на множество работ отечественных исследователей, посвященных решению проблем безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, тема социальной адаптации данной категории граждан, в частности в условиях специализированного учреждения для несовершеннолетних, является мало изученной. Проведенный нами анализ нормативно-правовых документов показал, что большинство из них направлены на профилактику данного явления. Процесс социализации, в частности социальной адаптации несовершеннолетних, регламентирован плохо и в основном признается лишь как данная необходимость.

Таким образом, возникает противоречие: с одной стороны, теме социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в научных работах и нормативно-правовых актах уделяется достаточное внимание и подчеркивается важность этого процесса; с другой стороны, на практике этот процесс мало изучен и плохо регламентирован. Это противоречие обусловило проблему исследования: какие существуют особенности процесса социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений для несовершеннолетних?

Методы

С целью анализа особенностей процесса социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений нами было проведено эмпирическое исследование процесса социальной адаптации несовершеннолетних в специализированных учреждениях города Казани.

В исследовании использовался комплекс взаимодополняющих методов: полуструктурированное интервью, наблюдение, контент-анализ дневников воспитанников.

Исследование проводилось в три этапа:

1. изучение документации, отражающей процесс социальной адаптации воспитанников в каждом специализированном учреждении (анализ дневников на каждого воспитанника);
2. проведение интервью со специалистами учреждений;
3. проведение интервью с воспитанниками учреждений.

Результаты

Итоги проведенного исследования привели нас к следующим результатам и выводам:

1. В процессе социальной реабилитации в условиях специализированных учреждений безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние адаптируются лишь к самому учреждению, а показатели социальной адаптации воспитанников выражены слабо: дети и подростки могут лишь адаптироваться к социальным правилам, нормам и ценностям – без последующего процесса их интериоризации.
2. Несмотря на структурные различия учреждений, различий в осуществляемых учреждениями программах и методиках по социальной адаптации воспитанников, анализ основных показателей ответов респондентов и данных дневников воспитанников показал, что процесс социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних не имеет существенных различий.
3. На процесс социальной адаптации воспитанников влияют социальный статус несовершеннолетнего и длительность проживания несовершеннолетнего в учреждении, а также наличие или отсутствие опыта проживания несовершеннолетнего на улице.
4. В процессе социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений существуют гендерные и возрастные различия.
5. Специалисты учреждений недостаточно владеют знаниями о сущности процесса социальной адаптации, а процесс социальной адаптации несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений воспринимают лишь как процесс адаптации к самому учреждению.

Для улучшения сложившейся ситуации, для повышения эффективности процесса социальной адаптации несовершеннолетних в условиях специализированного учреждения, по нашему мнению и с учетом предложений специалистов учреждений, необходима реализация следующих мер:

- разработка и внедрение программ и методик, направленных на профессиональную адаптацию подростков в условиях специализированного учреждения, введение в действие трудовых мастерских и активное использование методик трудотерапии в социально-реабилитационной работе с несовершеннолетними;
- привлечение средств спонсоров, благотворительных организаций, для улучшения условий жизнедеятельности безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в специализированных социальных учреждениях, в том числе и в приемных отделениях (изоляторах);
- повышение профессиональной квалификации персонала специализированного учреждения.

Выше перечисленные меры реализуются на муниципальном уровне управления. Однако, для более успешного процесса социальной адаптации безнадзорных и беспризорных

несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений, необходимы усовершенствования, в том числе, и нормативно-правовой базы, на всех уровнях управления.

Литература

1. Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2006.
2. Иващенко Г.М. Профилактическая и реабилитационная работа специализированных учреждений для несовершеннолетних: Научно-методическое пособие. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2001.
3. Невская С.С. Анализ проблем социальной адаптации беспризорных детей // Беспризорник. – 2006. – № 3.

Формирование классов в современном Российском обществе: особенности потребительского поведения.

Чарышникова Лидия Владимировна

аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия
E-mail: vlidiya@mail.ru*

В современной западной социологической традиции «средний класс», составляющий от 50 до 70% населения¹ рассматривается как основа, определяющая не только состояние общества в целом, но и как основной носитель признаков такого явления, которое принято называть «consumer society» или «обществом потребления». Основные черты этого явления выявлены и изучены западными социологами и философами.

За последние десять лет в России можно наблюдать развитие таких признаков «consumer society», как фетишизация ориентированного на потребление образа жизни, рост числа кредитных систем, увеличение потребительского рынка, опережающее рост доходов. При этом по самым смелым оценкам доля среднего класса в России не превышает 30% и, согласно некоторым исследованиям¹, доля эта не увеличивается, а сокращается.

На основе данных количественных исследований¹ проведенных в России с 1995 по 2007 год, а также на основе изучения публицистических данных и материалов СМИ, сделан анализ формирующейся классовой структуры, определен размер ее составляющих, выделены основные черты «общества потребления», характерные для каждого из представленных в настоящий момент классов.

На основе проведенных исследований сделан вывод, что в России формирование признаков «общества потребления» характерно для всего общества в целом (за исключением

маргинальной его части), а не только для «среднего класса». Основными причинами такой специфики, по мнению автора, является неудовлетворенный отложенный спрос, сложившийся в последние десятилетия существования Советского Союза, а также активное развитие информационного поля массовой культуры, пропагандирующей ценности потребления.

Первый фактор оказал влияние, во-первых, на «культ вещи», годами формировавшийся в обществе¹ и распространяющийся на все группы населения, из которых ныне создаются современные классы.

Специфика второго фактора заключается в том, что в западных странах развитие массовой пропаганды потребления происходило тогда, когда «средний класс» уже был сформирован, или же одновременно с его формированием. В России эта пропаганда началась одновременно с появлением открытого рынка, когда «средний класс» находился (и находится) в меньшинстве и практически не происходит событий, которые ускорили бы его развитие. В результате ценности «общества потребления» прививаются той части населения, которая не имеет возможности материального обеспечения их реализации, что приводит к нарастанию социальной напряженности.

Литература

1. Аналитические доклады «Городской средний класс в современной России» (2006), «Богатые и бедные в современной России» (2003) //Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эбертав Российской Федерации, http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html Результаты исследования
2. Бодрийяр Ж. //Общество потребления // М: Республика, 2006
3. Вайль П., Генис А. //60-е, мир советского человека // М: «Новое литературное обозрение», 2004
4. Герасимова Е., Чуйкина С. // Общество ремонта // М: «Неприкосновенный запас» 2004, №2
5. Гурова О. // Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья, бытовые вещи в советской РОССИИ, 1970-е годы //, «Неприкосновенный запас» 2004, №2
6. Данные исследований ВЦИОМ <http://wciom.ru/>, Левада-Центра <http://www.levada.ru/>, Комкон <http://www.comcon-2.ru/>, Росстат www.gks.ru, Башкирова и Партнеры <http://www.bashkirova-partners.ru/>
7. Иванов Д. В. //Виртуализация общества // СПб.: "Петербургское Востоковедение", 2000.
8. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность, Мир России, 2005, №2.
9. Малева Т. //Россия в поисках среднего класса // «Неприкосновенный запас» 2007, №3
10. Московичи С. //Век толп // М, 1996.
11. Орлова Г. // Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека // «Неприкосновенный запас» 2004, №2
12. Реальная Россия: социальная стратификация современного Российского общества // М, «Журнал Эксперт», 2006.
13. Утехи И.// Очерки коммунального быта // М: ОГИ, 2004
14. Фрумкина Р.// Рефлектирующий абориген // М: Знамя, 2005, №2

Отношение молодежи г. Якутска к проблеме трудовой миграции¹

Эверстова Виктория Петровна

Студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Амосова, Якутск, Россия

E-mail: vika_4ever_garf@mail.ru

Введение

Межнациональные отношения, могут проявляться в виде экономических, политических, языковых, культурных, экологических и других отношений между нациями. Каждое из этих проявлений межнациональных отношений имеет свое специфическое содержание [1].

В нашем исследовании мы рассмотрим проблемы трудовой миграции.

Все мы каждый день сталкиваемся в своей жизни с представителями различных национальностей. Они помогают нам строить дома, обновлять город, привозят на продажу фрукты и овощи, которых мы сами не можем выращивать в таком количестве из-за климатических условий, привозят дешевую одежду. Они везде, они всюду. Мы, в большинстве своем, презрительно называем их «гастарбайтерами». А на самом деле – это трудовые мигранты. Они уже стали частью нашей жизни, частью нашей многонациональной республики. Но коренные жители любой страны, всегда предубежденно относятся к мигрантам. Так и у нас в республике, простой народ не очень жалуется на них, отмечая то, что они занимают наши же рабочие места, женятся на наших девушках, и что мы, вообще, теряем лицо нашей нации, смешиваясь с различными группами народов. В данной программе я попытаюсь выяснить как молодежь, то есть будущее поколение, относится к этим самым трудовым мигрантам.

Трудящийся мигрант – это лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является [2].

Под трудовой миграцией понимается, во-первых, текучесть кадров, т.е. индивидуальные перемещения с одного предприятия на другое в рамках одного города или региона, во-вторых, индивидуальные и групповые перемещения граждане одного государства из одного региона в другой с целью получить работу и заработок, а также граждан разных

государств из одной страны в другую с той же целью. К трудовой миграции правильнее относить такие виды социальных перемещений, которые вызваны комплексом причин, в том числе, помимо заработка, желанием улучшить условия труда, приблизить место работы к месту жительства, изменить социально-психологическую атмосферу, сложившуюся на прежнем месте работы, повысить квалификацию, получить более интересную и перспективную работу и др. [3].

Методы

Исследование было проведено в октябре 2007 года в городе Якутске. Были охвачены анкетным опросом 100 молодых людей в возрасте от 17 до 29 лет. Среди них были студенты, работающие и временно безработные молодые люди.

В числе опрошенных участвовали по 50 человек мужчин и женщин. Национальный состав: 78 человек - саха, 16 - русские, 6 – другие национальности.

Результаты

В ходе анализа выяснилось, что большинство респондентов нейтрально относятся к мигрантам. Очень плохо к ним относятся только представители мужского пола. У большинства респондентов имеются друзья другой национальности. Большинство голосов было определено, что в нашей республике проблема национализма все же скорее существует, чем нет. Этот факт отметили 84% респондентов.

По мнению большинства опрошенных людей было выяснено, что почти 1/3 от всех респондентов, когда-либо сталкивалась с национализмом в городе.

Выяснилось, что 43% респондентов расшифровывают для себя понятие «трудовой мигрант» как «наемный рабочий из другого региона или страны». 24% полагают, что трудовые мигранты – это просто-напросто гастарбайтеры, 21% считают, что так именуется китайцы, таджики, узбеки, «лица кавказской национальности» и пр. 69% опрошенных на вопрос о количестве мигрантов в нашей республике, подтвердили, что за последнее время повысился.

На вопрос о строительстве железной дороги и ее влиянию на демографическую ситуацию региона почти единогласно все респонденты поддержали ответ «Да, безусловно» - 90% опрошенных. 42% респондентов считают, что мигранты заполняют рынок потому, что они согласны на неприхотливые условия труда, что отличает их от работников местного трудового населения. Большинство опрошенных указало, что мигранты работают за недорогую плату и быстро выполняют свои обязанности, но зачастую их работа в результате оказывается некачественной, так ответило 60% опрошенных человек. 14% опрошенных считает, что качество работы мигрантов хуже.

По вопросу о межнациональных браках 61% опрошенных респондентов считают, что это личное дело каждого. 19% человек относятся к межнациональным бракам нормально. 61% опрошенных людей считают, что наплыв большого количества мигрантов в нашу республику может привести к исчезновению нации.

80% респондентов считают, что мигранты преобладают в сфере строительства. 11% отметили, что мигранты заняты в сфере торговли. 32% опрошенных считают, что мигранты преобладают в этих сферах потому, что это приносит довольно прибыльный доход. 26% респондентов считают, что местное население нетрудоспособно. 12% опрошенных человек думают, что мигранты занимают свободные ниши рабочих мест.

По результатам данного исследования можно сказать, что ситуация у нас республике довольно стабильная. Молодежь нашей республики довольно спокойно относится к присутствию мигрантов на своей территории.

По выдвинутым гипотезам можно сказать, что молодежь считает, что строительство железной дороги из материка в столицу Республики Саха изменит ситуацию в регионе, что мигрантов станет больше, чем сейчас (сейчас основной транспорт – авиация). Хотя многие обеспокоены тем, что наплыв большого количества мигрантов может привести к потере национальной самобытности.

Также многие из опрошенных молодых людей считают, что у нас республике довольно большое количество свободных рабочих мест, которое заполняют мигранты, из-за того, что местное население нетрудоспособно или просто не желает работать за ту же заработную плату и те непривлекательные условия труда, что и мигранты.

Одна из гипотез была опровергнута. Она заключалась в том, что молодежь питает открытую неприязнь по отношению к трудовым мигрантам. Но, как выяснилось, только немногие из опрошенных могут позволить себе открытую неприязнь по отношению к человеку другой национальности.

В целом картина вырисовывается довольно позитивная. Видно, что молодежь не враждебно настроена по отношению к мигрантам. Но почти все боятся, что открытие железной дороги может изменить эту ситуацию.

Литература

1. Социология: учебник для вузов / Под ред. Проф. В.Н. Лавриенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007 с.162
2. СОЦИС. №9 2007 с.45-49
3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: Учебник. – М.: Инфра-М, 2007. с. 499.